

KPbICA

★ А ★ Л ★ Е ★ К ★ С ★ Е ★ Й ★

БЕССОНОВ

ПРОИДЯ СКВОЗЬ ДЫМ

Мир Алекса Королева

Алексей Бессонов

Пройдя сквозь дым

«Автор»

2007

Бессонов А. И.

Пройдя сквозь дым / А. И. Бессонов — «Автор», 2007 — (Мир Алекса Королева)

Даже старому космическому волку можно сделать предложение, от которого невозможно отказаться. Особенно, если оно исходит от Службы Безопасности Федерации. Андрея Огоновского «приглашают» принять участие в научной экспедиции на планету Трайтеллар, для жителей которой он – живая легенда, овеянная ореолом «спасителя человечества». Целью миссии является изучение и возможное пресечение проникновения на планету Чужих через сеть произвольно открывающихся порталов. Однако в одном из своих «коллег» Огоновский узнает генерала-десантника, отставного командира корпуса «Мастерфокс» Виктора Ланкастера, участника самых кровавых и непредсказуемых сражений бывшей войны. А это предполагает, что экспедиция может оказаться совсем не такой, какой ее хочет представить Служба Безопасности. И к науке обязательно примешается политика, а, следовательно, и кровь. Только чья на этот раз?

© Бессонов А. И., 2007

© Автор, 2007

Содержание

Часть первая	5
Глава 1	5
Глава 2	18
Глава 3	34
Глава 4	43
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Алексей БЕССОНОВ

ПРОИДЯ СКВОЗЬ ДЫМ

Часть первая

Глава 1

Из низины донесся звук приближающейся машины, и его превосходительство окружной комиссар недовольно приподнял голову от документов, с которыми, как обычно, он работал перед ужином. Настоящей постоянной практики он уже давно не имел – с тех самых пор, как его избрали на эту должность, но все же в некоторых случаях обитатели Гринвиллоу ехали именно к нему: более опытных врачей в округе не было.

Его превосходительство прислушался. Судя по звуку двигателя, к усадьбе мчался не обычный фермерский грузовичок, а мощный колесный вездеход. Такие здесь были наперечет, и комиссар, поднявшись из кресла, поспешно запахнул на груди теплый халат. Очевидно, машину послали за ним – странно только, что без предупреждения.

Окружной комиссар спустился на первый этаж, резко сдвинул в сторону тяжелую зеленую штору на окне холла и прильнул к стеклу. То, что он увидел, заставило его вздрогнуть от неожиданности. Возле невысокого, поросшего вездесущим мхом кирпичного забора стоял черный полубронированный транспортер с эмблемой фельдъегерской службы Конфедерации. Вот в борту его распахнулась небольшая дверца, и на пожухлую осеннюю траву прыгнул юный лейтенант в форменном кожаном пальто. На поясе у него висела массивная кобура, а запястье левой руки поблескивало тонким браслетом, соединенным цепочкой с ручкой служебного портфеля. Его превосходительство окружной комиссар территории Гринвиллоу до боли закусил губу и, рывком повернувшись, глянул в сторону ведущей на второй этаж лестницы. Ему не хотелось, чтобы фельдъегеря увидели домашние. Вряд ли кто-то сейчас бросится к окнам: до ужина осталось совсем недолго, прислуга уже накрывает на стол. Комиссар бесшумно распахнул входную дверь и шагнул навстречу спешащему по дорожке лейтенанту: калитка была открыта, и тот, видимо, не стал никого звать, а сразу пошел к дому. Что ж, тоже правильно...

– Полковник Огоновский? – юноша остановился в двух шагах от комиссара, чуть прищурился, изучая его лицо, знакомое ему, несомненно, по служебной ориентировке, получаемой перед каждой миссией: фельдъегерь должен знать получателя, невзирая на то, что имеет и служебный идентификатор, исключающий появление двойника.

– Я вас слушаю.

Лейтенант коротко кивнул и распахнул свой портфель.

– Прошу, – отрубил он, доставая толстый серый пакет, с двух сторон запечатанный орлами Конфедерации.

– Велено ждать ответа? – спросил Огоновский, недвижно глядя на пакет в тонких пальцах офицера.

– Никак нет.

Комиссар коротко вздохнул и решительно протянул руку.

– Благодарю вас.

Лейтенант отмахнул честь, четко развернулся через левое плечо и стремительно зашагал обратно к своему транспортеру. Некоторое время Огоновский, не замечая осеннего холода, так и лезущего под домашнюю одежду, смотрел прямо в спину юноши. Наконец фельдъегерь ловко забрался в темное нутро машины, басовито взвыл двигатель и транспортер, развер-

нувшись, исчез в низине. Его превосходительство моргнул, затем неторопливо повернулся и пошел к приоткрытой двери большого старого дома. Когда он поднялся в свой кабинет, часы в гостиной на первом этаже гулко пробили семь. Огоновский вздрогнул, поспешно высунулся в коридор и гаркнул во весь голос:

– Ханна, я задержусь!

Ему не ответили: в доме все давно привыкли начинать ужин без него.

Комиссар шлепнулся в кресло, неловко взломал печати и высыпал на стол два конверта: один был пузатый и длинный, а второй, квадратный и снова же увенчанный армейскими орлами, содержал, видимо, какие-то бумаги. Пару секунд Огоновский размышлял, какой из них вскрыть первым. Угрозу таили оба, но он не знал еще, какую именно. Ясно было одно: просто так отставным полковникам фельдъегерей не посылают. И кресты на грудь в такой обстановке им никто вручать не станет... все же некоторая надежда еще оставалась, и его превосходительство, ухватившись за соломинку, решительно разорвал удлиненный конверт из податливого желтого пластика.

В ладонь ему выпали золотые погоны легион-генерала медицинской службы.

Огоновский осторожно положил их перед собой на стол, потом, пошарив в кармане, достал толстую сигару. Сделав пару крепких затяжек, он уже без всякого волнения потянулся ко второму конверту.

«Дорогой Огоновский! – прочитал он. – Нам прекрасно известно, что Вас, как джентльмена, облеченного высоким доверием Ваших избирателей, мобилизационные предписания мирного времени никоим образом не касаются. И все же, учитывая исключительность сложившейся ситуации, мы не приказываем, а – просим Вас, полковник, принять предлагаемый Вам чин и явиться...»

– Трайтеллар, – выдохнул его превосходительство. – Что-то у них загорелось на Трайтелларе. О, господи!..

* * *

Дежурный администратор отеля «Максвелл-холл» растянул губы в корректнейшей профессиональной улыбке и незаметно коснулся сенсора ввода данных своего инфора, расположенного под стойкой.

– Буквально одну секунду, милорд...

Очень высокий мужчина в темно-зеленом десантном мундире с погонами уинг-генерала, несколько нависающий над прилизанным пробором администратора, не соизволил пошевелиться, все так же безразлично разглядывая объемное голографическое панно с ярким горным пейзажем, расположенное позади стойки.

– Вашу милость ожидают в номере 27-12, – в глазах администратора вспыхнул, но тут же погас едва заметный огонек любопытства. – Прикажете сопроводить вас?

– Это излишне, – качнул головой генерал и, повернувшись, размашисто, как циркуль, зашагал к лифтам.

Золотисто-зеркальная кабина остановилась на двадцать седьмом этаже. Генерал бросил короткий взгляд на свое отражение, поправил на голове высоковерхую фуражку и вышел в широкий, отделанный драгоценными породами дерева коридор. Климатическая система насыщала прохладный воздух слабо ощутимым ароматом хвои. Посмотрев на светящиеся зеленые стрелки указателя, генерал свернул налево, чтобы через два десятка шагов остановиться перед высокой полированной дверью. Холодная рукоятка в виде змеиной головы провернулась с породистым щелчком, и дверь, влекомая гидроцилиндром, медленно раскрылась навстречу гостю.

– Проходите, милорд, – услышал он. – Я жду вас.

Генерал вошел в просторную гостиную и протянул руку шагнувшему к нему мужчине средних лет в сдержанно-респектабельном костюме. Первое, что бросилось ему в глаза – это усы хозяина, свисающие ниже подбородка. Такое украшение подходило, пожалуй, провинциальному фермеру, а не тому, к встрече с кем готовился высокий гренадер. Хозяин номера тихонько усмехнулся и указал генералу на одно из глубоких замшевых кресел, стоящее рядом с низким овальным столиком:

– Прошу вас, милорд. Можете звать меня Гарри, так будет проще нам обоим. Прикажете подать стол?

– Благодарю, – высокий генерал бросил свою фуражку на угловой диван и с явным удовольствием расположился в кресле. – Я обедал.

– Но от приличного коньяку вы, я надеюсь, не откажетесь?

– От приличных вещей я отказываюсь редко.

– Ценю вашу откровенность, – едва слышно рассмеялся Гарри и шагнул к тускло поблескивающей кожей стенной панели.

На столике появилась высокая темная бутылка, пара приплюснутых крутобоких бокалов и вазочка с местными сладостями. Гарри выдернул пробку, налил себе и гостю, после чего достал из внутреннего кармана камзола небольшую деревянную коробку.

– Угощайтесь, – предложил он. – У моего отца собственная плантация на Бифорте.

Уважительно приподняв бровь, генерал вытащил из коробки короткую толстую сигарку и поднес ее к носу.

– Что ж, будем знакомы, – Гарри поднял свой бокал.

– Будем...

Некоторое время усач молчал. Дождавшись, когда его гость завершит ритуал раскуривания сигары, он щелкнул пальцами и устроился в кресле поудобнее.

– Если быть откровенным, то я никогда не предполагал, что судьба сведет меня с вами, генерал, – начал он. – Совершенно не мой профиль, знаете ли... даже учитывая то, что в моей службе постоянно приходится ожидать разных сюрпризов, и редко когда они бывают приятны.

– Понимаю, – усмехнулся в ответ генерал.

– Боюсь, что не совсем. Я не представился, к сожалению... впрочем, моя должность все равно не скажет вам ровным счетом ничего, поэтому попытаюсь так: я занимаюсь разного рода странностями и труднообъяснимыми фактами, время от времени случающимися то там то сям. К вашей прежней деятельности, как вы понимаете, все сие не имеет ни малейшего отношения.

– В моей службе тоже хватало странностей.

– Я говорю о несколько других странностях, – поморщился Гарри. – Грубо говоря, я всю жизнь занимаюсь тем, что принято называть «аномальщиной». В массовом сознании подобные явления воспринимаются в основном как байки и легенды, но кто-то ведь должен заниматься и легендами, не так ли?

– Полагаю, что не я, – улыбнулся генерал. – Я, как правило, имел дело с сугубой конкретикой.

– И, тем не менее, оказались в несколько дурацкой ситуации. После расформирования вашего «Мастерфокса» в связи с загадочной историей на Альдарене вы просили под свою руку либо иное линейное подразделение, либо кафедру. А получили забавную должность начальника офицерской школы для сержантов, выслуживших лейтенантский чин. Но и там вы не задержались надолго, потому что некоторые из ваших питомцев, вместо того, чтобы благополучно увольняться в запас и становиться офицерами сельской жандармерии, неожиданно вернулись в Вооруженные силы на офицерский контракт. Формально им в этом отказать было нельзя, верно? И это бы ничего, но вдруг выяснилось, что самый усредненный выпускник вашей школы образован куда лучше своего линейного начальства с Академией за плечами. Такие вещи у нас не прощают, вам не кажется?

– Вы хотите меня удивить? – невозмутимо хмыкнул гость.

– Что вы... удивлять я начну чуть позже. Пока я просто освежаю в памяти некоторые эпизоды вашей биографии. Знаете, что удивляет меня самого? Что вы покинули школу, которой отдали столько сил, даже без намека на какой-либо скандал. А ведь устроить его вам не стоило ровным счетом ничего. Вы превратили захолустный учебный корпус в первоклассное заведение, выпускающее офицеров, бесценных для любой армии. И это вам негласно поставили в вину. Вас всю жизнь в чем-то обвиняют, Ланкастер, и почти всегда – негласно, под ковром. Почему вы не уволились после всего этого ко всем чертям? Ведь вы уже год находитесь «в распоряжении», прекрасно понимая, что ни кафедру, ни тем более научный институт вам никто не даст – просто побоятся. Или вы ждете, когда вас назначат командиром какого-нибудь колониального корпуса?

– В данный момент я, возможно, согласился бы даже на легион.

– Но легион вам не дадут просто по чину. Не положено.

– Дорогой Гарри, если бы я имел четкий ответ на ваш вопрос, то, поверьте, не полез бы за ним в карман. Зато я имею некоторые предположения относительно того, зачем мне передали просьбу встретиться с вами. Но так как работодатель здесь вы, то вам и слово. А я постараюсь не тянуть с решением.

Гарри посмотрел на настенные часы в темном деревянном корпусе и вздохнул.

– Вот и начинается самое интересное... Видите ли, Ланкастер, если вы думаете, что кому-то в СБ взбрело в голову реконструировать ваш карательный легион или, тем паче, создать учебное заведение подобного профиля, то вы ошибаетесь. Собственно, никакой командной должности я вам предложить не могу.

– Вот как? – в глазах генерала впервые затлел огонек интереса. – Зачем же я вам нужен? Если вы полагаете, что кому-то все же удастся втянуть меня в политику, то вам не стоит тратить время. Тем более, – он снова усмехнулся, – ваше время.

– Политика не интересует меня по определению, – скривился Гарри. – Я не из этого отдела. Я же сказал вам: я занимаюсь совершенно другими вещами. Моя задача – предложить вам отправиться в небольшое путешествие. Собственно, вы нужны нам для подстраховки... именно вы, Виктор Ланкастер, а не линейный рубака с полной грудью орденов и двумя извилинами.

– Меня ждет один из айоранских миров, – утвердительно произнес Ланкастер.

– Хуже. Трайтеллар. И усмирять там никого не потребуется. По крайней мере, я надеюсь на это.

– Что же тогда?

– На ваше место рассматривались два десятка кандидатур, но в итоге было решено, что в Конфедерации нет человека, способного быстро ориентироваться в той ситуации, в которой вам, возможно, придется оказаться. Никого, кроме вас. И на принятие решения у вас не более четверти часа.

– Мне придется убивать людей? – быстро спросил генерал.

– Почти наверняка – нет, – спокойно выдержал его взгляд Гарри, – и если да, то только в плане обороны.

– Мне придется сопровождать гражданских лиц?

– Категорически исключено. Те, кого вы будете сопровождать, не станут для вас слишком серьезной обузой. Более того, в ваше распоряжение передается прекрасный линейный легион. Если этого потребует задача, вы вправе положить его до последнего солдата. Никаких расследований не будет. Решайте, генерал, у вас мало времени.

Ланкастер допил свой коньяк и вытащил из нагрудного кармана кителя портсигар.

– Кого вы поставите на мое место, если я откажусь? – негромко поинтересовался он.

– Юри Пратта, – ответил Гарри. – Но он ангажирован сенатскими ультралибералами, с ним могут быть проблемы.

– Понятно. Все так серьезно?

– Все намного серьезней, чем вы себе представляете. Если бы речь шла о каком-нибудь банальном мятеже или очередных шуточках эсис, вас позвали бы куда раньше... время идет, генерал.

– Я согласен. Если дело дошло Бесноватого Юрика, на шутки это действительно непохоже. Вы кого-то ждете?

– Я жду вашего будущего напарника, и боюсь, что он может прийти раньше срока. Еще коньяку?

– С удовольствием.

Едва Гарри поставил бутылку на столешницу, в дверь номера тихонько поскреблись. Усач бросил короткий взгляд на часы и поднялся из кресла. Ланкастер с любопытством повернулся к двери.

– Здравствуйте... мастер Харальд, если не ошибаюсь? – голос вошедшего был мягким и немного настороженным.

Виктор чуть прищурился. У двери стоял коренастый, немного грузноватый мужчина средних лет в новеньком, только от портного, мундире легион-генерала медицинской службы ВКС. На фуражке врача Ланкастер заметил характерные «крылышки» экипажного состава – значит, в войну доктор летал. Это уже чуточку лучше... и вдруг, вспомнив давно забытые события, он понял, кто станет его напарником.

– Рад знакомству, мастер Огоновский, – вежливо поднялся Ланкастер.

– Взаимно, милорд, – взгляд свежеспеченного генерала стал немного колючим – тот тоже узнал Виктора.

– Присаживайтесь, присаживайтесь, господа, – радушно закудахтал Гарри. – Вам коньяку, дорогой доктор?

– Н-да, пожалуй, – врач осторожно опустился в кресло и поправил густые темные локоны. – Наверное, разговор нам предстоит нелегкий... давайте сразу, мастер Харальд, без околичностей: что на Трайтелларе? Бунт, сель, цунами? Вылетая сюда, я перерыл все последние новостные узлы, но ничего вроде бы страшного не увидел. Зачем я вам понадобился? Или вы думаете, что меня так уж обрадует ностальгическая прогулка?

– На Трайтелларе? – буднично переспросил Гарри, доставая из бара еще один бокал, – На Трайтелларе, господа, хреново. Сама собой открылась межпространственная дырка, да не одна, похоже, их там целый дуршлаг в одной точке.

– Вообще-то они открывались и раньше, – вдруг помрачнел Огоновский. – Но это мало кого интересовало. Я кое-что видел, будь оно все проклято...

– Я знаю, – Гарри уселся и потянул из коробки отцовскую сигару. – Мое начальство, честно говоря, тоже не хотело заниматься подобными вещами. Тут еще и политика, конечно: как вам известно, Трайтеллар подписал только первую часть Договора Согласия, и ни о каких секретных экспедициях там пока не может быть и речи. На планете действуют исключительно гуманитарные миссии да еще пара строительных концернов, заключившие контракты с местными правительствами – пока это все. Единственное, на что они согласились в военном плане, это присутствие орбитальной оборонительной группировки. Вторая часть Договора висит в воздухе, и вы сами понимаете, как на это обстоятельство реагируют наши политики. А если учесть, что через восемь месяцев у нас сенатские выборы... – он безнадежно махнул рукой.

– Так что же все-таки случилось? – сощурился Огоновский. – С политикой все более-менее ясно. Что у вас на Трайтелларе?

– О Проклятых Городах вы, конечно, слыхали? Сперва они действительно удивили наших комиссаров, но потом факт их запустения предпочли объявить религиозными табу, наложен-

ными духовенством в финале Эпохи Сражающихся Континентов. Между тем дело отнюдь не только в запрете, и не в том даже – хотя было и такое объяснение, – что большая часть их приходится на самую нищую и забытую область планеты, обитатели которой еще пятьдесят лет назад автомобиль видели раз в три года. Хотя другие страны уже дошли до «эмбрионального», как у нас говорят, звездоплавания. Одни табу никого бы не остановили.

– На Трайтелларе табу остановит любого Колумба, – фыркнул Огоновский. – Вы слабо владеете темой. А вокруг Проклятых Городов создана мифология наподобие наших Содомы с Гоморрой, только похлеще. Потому туда действительно никто не лезет.

– Да, но один военный физик, сильно заинтересовавшийся этим феноменом – а на религию ему, как вы понимаете, было начхать, – решился провести некоторые, хотя и весьма поверхностные, исследования. И выяснил он очень странную вещь – развалины на архипелаге Урсан, который местные даже с воздуха обходят десятой дорогой, тысячу шестьсот лет назад подверглись воздействию лучевого ОМП незнакомой нам типа. Если учесть, что столетие Сражающихся Континентов закончилось на тряпичных аэропланах, то вопросец получается очень интересный, вам не кажется?

– И там есть дыра?

– Неизвестно, – Гарри помотал головой и тяжело вздохнул. – Ведь так просто ее не найдешь, а у того исследователя не было ни времени, ни желания ее искать. О его высадке стало известно нашим комиссарам, они устроили скандал – комиссары, видите ли, больше всего на свете боятся недовольства местных властей, и физика убрали с Трайтеллара навсегда.

– Простите, джентльмены, – подал голос Ланкастер, – если я правильно понял, вы говорите о неких проходах, ведущих в так называемые параллельные миры? Мне приходилось слышать о подобных вещах, но я, признаться, никогда не воспринимал это всерьез... и откуда они там взялись – местный феномен?

– К сожалению, это работа наших старых приятелей глокхов, но концов в деле их создания нам не сыскать никогда, можете мне поверить, – поморщился Гарри. – Уже пытались... глокхи, сами знаете, выходят на контакт с нами только по собственной инициативе, к тому же прошло столько времени – в общем, вопрос «кто и зачем» для нас уже не имеет никакого практического смысла. Инструкцию по использованию нам не сыскать, надо выворачиваться своими силами. Ситуация крайне осложняется тем, что дырки, возможно, ведут не только на параллельный Трайтеллар, а куда-то еще. И исследовать мы их толком не можем... все, что в наших силах – это хотя бы попробовать разобраться, с какой периодичностью открывается тот самый «дуршлаг» о котором я уже говорил. А дальше, имея ну хоть некий минимум информации, убедить местного сатрапа в том, что он должен пустить на свои земли полноценную экспедицию. Именно для этого вы нам и потребовались, мастер Огоновский.

– Да, он, может, и имени моего не слышал, – фыркнул тот. – По-моему, далеко не все на планете в курсе событий, происшедших после высадки группировки Вальтера Дая.

– Слышал, слышал, – заулыбался Гарри. – Ведь сатрапствует там ваш старый знакомый Халеф. Правда, зовут его теперь иначе, но это он, можете не сомневаться. Но так как у него некоторые трения с крайне консервативным крылом собственного духовенства, то никого, кроме медицинской миссии и небольшого отряда строителей, которые возводят ему сеть аэродромов, он к себе не пускает. У нас, разумеется, была мысль отправить к нему исследователей под видом геодезистов, но эта хитрая рожа сверяет списки в головном планетарном комиссариате Конфедерации, а там уже ничего не спрячешь. Какую бы секретность мы ни возвели, все равно найдется добросердечный аноним, желающий сходить на исповедь к своему региональному сенатору. Последствия понятны, не так ли?

– То есть вы хотите, чтобы я убедил его в том, что нам нужно посмотреть, что там творится с дырками на его территории? – невесело усмехнулся Огоновский. – А потом?

– Он в любом случае не сможет разрешить присутствие серьезной экспедиции, – мотнул головой Гарри. – Поверьте, я знаю, о чем речь. Но вас он, безусловно, примет в самом лучшем виде. И вас – пропустит. Хотя бы как старых друзей. Ни один местный епископ не сможет возмутиться, если Почтительнейший Сын – таков, кстати, его титул, – устроит для вас роскошное многодневное сафари. Тот же факт, что вас станет сопровождать досточтимый воин вашего ранга, лишь поднимет уважаемого гостя в глазах этих гребаных святош.

– Вообще-то Халеф был неплохим парнишкой, – задумался Огоновский. – Но времени прошло немало, да и власть такого уровня никого еще, кажется, не красила. Но попробовать, конечно, стоит. Ладно! Рассказывайте, что у него там вылезло. Что, в самом деле, вас так напугало, а?

Гарри глубоко вздохнул и вытащил из кармана брюк небольшой блестящий брелок. Над сдвинувшейся в сторону крышечкой мягко моргнула зелеными клавишами виртуальная клавиатура. Разведчик набрал какой-то короткий код и дернул головой:

– Для начала – это. Самое удивительное из всего...

Посреди комнаты возникла картинка, сперва плоская: желтая равнина, там и сям густо усеянная небольшими тускло-зелеными шарами каких-то растений. Записывающая головка сместилась в сторону, изображение вдруг стало объемным – длинное, тонкое, остроносое тело с широкими, почти треугольными крыльями, расположенными в самой корме, у высокого парного киля, замерло в конце глубокой песчаной борозды. Оператор включил трансфокатор – съемка, видимо, велась с возвышенности на расстоянии около трехсот метров от поврежденной машины, и теперь стали отчетливо видны десятки одинаковых круглых пробоин в носу, а также неровная трещина у корня крыла, разрывающая фюзеляж на две части. Никаких опознавательных знаков на незнакомой машине не было, однако судя по ее виду и размерам она могла относиться как к сверхмалым звездолетам, так и к сугубо атмосферному классу.

– Бомбардировщик с комбинированной атомно-электрореактивной силовой установкой, – сообщил Гарри.

– Атмосферник? – уточнил Ланкастер.

– Да, – кивнул усач. – Очень странная штука. Наше счастье, что реактор не взорвался, а то пришлось бы потратить немало времени на борьбу с радиацией. Там все крайне примитивно, энергоустановка управляется практически вручную, навигационные приборы проще не придумаешь, никаких процессорных цепей, только самая тупая электромеханика и гидравлика в каналах аэродинамического управления. Но моторы остроумные, у наших предков на аналогичном уровне ничего подобного не было. На таких движках можно, в принципе, ходить по космосу: некоторый резерв рабочего тела он несет на себе. Кстати, подобные двигатели стояли на ранних планетолетах Трайтеллара. Но в то время электроники у них уже хватало. В данном случае – несоответствие: мотор и планер как бы опережают свое время на полстолетия, если не больше.

– Чем он был вооружен?

– Он прорвался к нам с пустым бомбоотсеком, но можно сказать точно, что ядерного оружия у него не было. Это еще не главная странность. Сейчас я покажу экипаж.

Гарри коснулся пальцем висящей в воздухе клавиатуры. Полуразрушенный бомбардировщик исчез, сменившись вдруг какой-то довольно большой комнатой с серыми стенами. Прямо перед оператором находились четыре одинаковых топчана, на которых лежали, едва на них помещаясь, массивные тела в желтых комбинезонах. Ланкастер с шумом втянул сквозь зубы воздух, Огоновский же, напротив, прищурился и подался вперед.

Они были похожи на людей. Но предки их происходили из другого рода... Густо заросшие черным (у одного, самого крупного – пепельным) мехом немного выдающиеся вперед морды с рядами острых треугольных зубов в приоткрытых ртах, огромные, странно вытянутые

глаза, способные, очевидно, смотреть как прямо перед собой, так и по сторонам, и – похожие на кошачьи, уши по бокам головы.

– Хищники, – твердо произнес Огоновский и потянулся за сигарой. – Вот черт, а. Второй раз за всю нашу историю. Вторая эволюционная аномалия после Росса...

– Не просто хищники, – криво усмехнулся Гарри, и на месте мертвых чужих появилось плоское изображение какого-то лохматого серого зверя, стоящего на полусогнутых задних лапах, при этом передние тянулись вперед, словно желая схватить фотографа. – Потомки давно уничтоженного на Трайтелларе млекопитающего – сурчхой на языке жителей региона его обитания, прошу вас. Этому снимку пятьсот лет... Другая дорога эволюции, как видите. Впрочем, те, давние ученые, считали сурчхой почти разумным, но случаев его приручения не наблюдалось.

– Эти... они были живы, когда приземлились? – спросил Ланкастер.

– Второй пилот. Остальные погибли еще там... у них. Этого, к сожалению, застрелили наши охранники, потому что едва он выбрался из самолета и увидел едущих к нему на помощь людей, так сразу открыл огонь из мощного автомата. Пули, знаете ли, у него были совсем не игрушечные. Да-да, в этом есть определенная дикость: наши, едва увидев аварийную посадку самолета, поспешили на помощь. Местная медслужба была поднята по тревоге. Ну, дальше... Офицер охраны, который сел за канонира на вездеходе, тут же, после первых очередей, развернул ему башку, но там, в прозекторской, это не заметно, потому что его уже подшили для придания товарного вида. Никаких интересных документов, за исключением «плоских» полетных карт – это карты Трайтеллара с незначительно отличающейся береговой линией континента, – на борту самолета обнаружено не было. Никаких личных записей. Вообще ничего, кроме объедков полетного пайка на четверых. Судя по картам, бомбардировщик преодолел расстояние в восемьсот километров, разгрузился над точкой, которая на «нашем» Трайтелларе представляет собой глухой и безлюдный горный район, и пошел назад, но почему-то сильно сбился с курса, чтобы в итоге пройти над действовавшей в тот момент «дыркой». «Дырка» на него зачем-то отреагировала. Карты, разумеется, будут предоставлены в ваше распоряжение, но я не думаю, что они хоть чем-то помогут. На данном этапе, по крайней мере.

– Очень интересный путь, – в задумчивости произнес Огоновский. – Можно предположить, что несколько миллионов лет назад там, на Трайтелларе-2, произошло некое событие, придавшее сурчхой значительный эволюционный толчок, в результате чего он пришел к разуму. Но в любом случае он не может быть «чистым», так сказать, хищником: все равно всеяден, как и мы с вами. Среди объедков нашли остатки растительной пищи?

– Да, – отозвался Гарри. – Вы правы, уважаемый доктор, их рацион не просто близок к нашему – мы используем один и тот же набор белков, аминокислот и прочего. Один из наших специалистов пошутил, что мы для этих зверушек однозначно съедобны.

– Дурацкие у ваших спецов шутки, – размышляя о чем-то, отмахнулся Огоновский. – Вы бы лучше задались вопросом, почему он стал стрелять, как только увидел людей?

– Ну, вероятно, мы показались ему невообразимыми чудовищами, – засмеялся усатый. – Плюс стресс, сами понимаете: бомбардировщик, похоже, был подбит зенитной ракетой с боеголовкой, начиненной то ли шариками, то ли чем еще. Вероятно, у них там идет война. Это, собственно, одна из главных причин, так взволновавшая мое начальство.

– Возможно, возможно, – покачал головой Андрей. – Я уже начинаю понимать. А другие... причины? Их не очень много, надеюсь?

– Нет. Но они малоприятны, особенно с виду, – Гарри с хрустом размял пальцы и подлил гостям коньяку. – Настолько неприятны, что я даже не хочу их вам показывать – у вас будет время ознакомиться со всеми материалами во время перелета. «Дырка» выбрасывала нам формы жизни, не способные существовать на Трайтелларе. К счастью, на этот раз они не являлись носителями разума.

– Какая-то не-кислородная дрянь? – сморщился Ланкастер.

– Довольно любопытная с точки зрения науки, – кисло улыбнулся Гарри, – но вот на вид, знаете ли...

– Понятно, – Огоновский сделал небольшой глоток и со стуком поставил свой бокал на столешницу. – Мы можем надеяться, что ваше уважаемое ведомство все же обеспечит нас несколько более подробными инструкциями? И желательно в письменном виде, э?

– О, разумеется, джентльмены! Все материалы будут предоставлены вам не далее чем сегодня вечером. Пока же нам следует зафиксировать ваше согласие на участие в операции документально – таковы, знаете ли, наши правила. Прошу сюда... Да-да, правую руку, как обычно.

* * *

Лифт остановился. Огоновский подался в сторону, уступая дорогу Ланкастеру, но тот мягко коснулся раскрытой ладонью его локтя:

– Субординация для нас неуместна, вы не считаете?

Андрей поспешно вышел из сверкающей кабины и остановился, разглядывая высокого генерала в зеленом мундире. Глаза Ланкастера улыбались.

– Мне кажется, нам нужно поговорить, мастер Огоновский, – произнес он. – Как вы?

– Верно, – кивнул тот. – И пожалуйста, обращайтесь ко мне просто по имени. В противном случае беседа станет невыносимо куртуазной, что также неуместно.

– Тогда я – просто Виктор, – и Ланкастер протянул врачу свою руку. – У меня есть одно предложение... надеюсь, вы не откажетесь от доброго обеда?

– Давно пора, – согласился Огоновский. – Но я не очень-то разбираюсь в местных кабаках.

– Это и не нужно, – махнул рукой десантник. – Я знаю, куда нам ехать.

Выйдя на тротуар, он раскрыл дверцу стоящего перед отелем такси и наклонился к водителю.

– Эппл-роуд, заведение «Старый фазан», знаете? – спросил он.

– Непременно, ваша милость, – браво отрапортовал таксер. – Доставлю в лучшем виде.

Расположившись на скрипящем кожей заднем диване, Ланкастер поднял стеклянную перегородку, отделявшую пассажиров от водителя, и вздохнул.

– Мы едем в кабак моего бывшего штабного повара, – сообщил он сидящему рядом Огоновскому. – Давненько я его не видал. Будем надеяться, что старик Шнеерсон не потерял сноровки.

Андрей молча покивал в ответ и с усталостью прикрыл глаза. Его рейсовый лайнер пришел рано утром, выспаться времени у него не было – а от слишком ранних подъемов он уже отвык. Ланкастер, коротко скосив глаза на своего спутника, предпочел не досаждать тому беседой и уставился в затемненное окно машины.

Кар несся по висящей в воздухе десятирядной полосе ситивэя. Океан остался за спиной, впереди виднелись невысокие, ярко-зеленые горы, там и сям украшенные затейливыми башенками загородных вилл. Желтые полосы узких шоссе, вьющиеся меж гор, свечи пирамидальных тополей по обочинам, рыжеватые пятна черепичных крыш небольших уютных домиков для тех, кто не мог себе позволить жить в собственном, пусть и миниатюрном, замке – открывающаяся с высоты картина вызвала у генерала задумчивую и немного грустную улыбку. Почти вся его жизнь прошла в других мирах, мало похожих на эту старую метрополию, освоенную еще в имперские времена. То были планеты сурового климата, как правило – с низким свинцовым небом, с вечно бушующими холодными океанами и бескрайними, на тысячи километров, массивами страшных черных лесов.. Даже родной Сент-Илер, довольно жаркий в целом,

представлялся ему в образе одной лишь непрекращающейся осени с ее промозглым ветром и унылыми, надоедливими дождями: он родился в умеренном поясе северного полушария, там, где лето длилось не более двух месяцев в году.

Громада мегаполиса осталась позади, и ситивэй пошел вниз, чтобы вскоре, едва миновав прибрежную горную гряду, опуститься в просторной, сплошь покрытой дивными садами долине, прорезанной парой небольших речушек. Широченная трасса, ведущая вглубь континента, дальше шла по поверхности, но таксиста она уже не интересовала: свернув на трехуровневой развязке налево, он выскочил на песочно-желтую ленту двухрядки, и вот за окнами понеслись величественные колонны пирамидальных тополей, меж которых мелькали аккуратные ворота усадеб. Заборы скрывались под сплошным ковром вьющихся растений, высаженных в специальную компостную обмазку, наносимую прямо на кирпич.

Огоновский открыл глаза, моргнул и потянулся к кнопке стеклоподъемника. В салон ворвался густой, горячий ветер, пахнувший морем и цветами одновременно.

– Куда это мы заехали? – с удивлением спросил Андрей у Ланкастера.

– Да как бы не в рай, – усмехнулся тот. – Я и не догадывался, что Джо решил устроиться в таком милом уголке. То есть я знал, что заведение у него – загородное, но что бы вот так... жаль, нет времени побыть здесь хотя бы недельку.

– Н-да, после моих родных болот... – вздохнул Огоновский и, опустив стекло до упора, выставил из машины раскрытую ладонь.

Таксист притормозил, мягко ввалился в правый поворот и почти сразу остановился.

– Прошу, господа, – донесся его голос из переговорного устройства.

– Я рассчитаюсь, – предупредительно заявил Ланкастер, роясь в кармане кителя.

Огоновский кивнул и толкнул дверцу кара. Выбравшись наружу, он набрал полные легкие и – замер в восхищении. Такси стояло на вымощенной грубоватым желтым камнем площадке, обсаженной с двух сторон привычными уже тополями. Слабый ветерок, лениво шевеля золотую бахрому на новеньких генеральских погонах, обволакивал Андрея непостижимо тонкими ароматами цветущего сада и степных трав. Перед ним, светясь голографической вывеской, кокетничало стрельчатыми окошками двухэтажное строение с острой черепичной крышей, выглядящее живой игрушкой великана.

– Молодец Джо, – проворчал Ланкастер, вылезая наконец из машины. – Ай, молодец! Соответствует пейзажу, не правда ли?

Огоновский покачал головой и двинулся вперед. Честно говоря, ему хотелось бы немного постоять еще, наслаждаясь этим ветром, так шумно веселящимся в острых верхушках тополей, но желудок недвусмысленно напоминал о своем существовании, да и Ланкастеру, верно, хотелось поскорей увидеть старого приятеля. Гренадер решительно потянул на себя массивную дверь из темного лакированного дерева, и оба генерала оказались в просторном зале с низким потолком, уставленном круглыми столами: мягко струилась тяжелая красная ткань скатертей, поблескивала бронза небольших настольных светильников.

– Давайте, наверное, здесь, – предложил Ланкастер, указывая на столик в углу возле приоткрытого окна.

– С удовольствием, – Огоновский снял фуражку и пригладил волосы, рассматривая картины на стенах: основу коллекции составляли различные сцены из охотничьей жизни древних.

– Что будет угодно господам генералам? – появившийся возле столика официант склонился в точно выверенном полупоклоне.

– Я надеюсь, подполковник Шнеерсон на месте? – спросил Ланкастер.

– Вы имеете в виду хозяина? – немного удивился официант.

– Ну да, дядюшку Джо. Он должен ждать меня.

– Как прикажете доложить? – вытянулся официант.

– Да очень просто: скажи, командир приехал.

– Слушаюсь, ваша милость!

Огоновский раскрыл было толстую папку меню с оттиснутым на красноватой коже фазаном, но Ланкастер, хитро улыбаясь, помахал пальцем:

– Это не для нас, дружище.

– Э?..

– Дядюшка Джо найдет что нам предложить. Да вот и он, собственно.

Андрей повернул голову: через зал совершенно бесшумно скользил, издали поднимая в приветствии руки, могучего телосложения муж в легких белых брюках и полурасстегнутой цветастой жилетке на голое тело, под которой виднелся округлый, но не пошлый пока еще живот. Пепельно-седые волосы, густые и слегка выющиеся, благородно ниспадали ему на плечи, выдавая собой офицерское прошлое.

– Ка-амандир!

Ланкастер встал, следом за ним поднялся со стула и Огоновский. Хозяин заведения, почти одного роста с долговязым гренадером, облапил того по-медвежьи, слегка потрепал по затылку и отпустил.

– Не стареешь, – с удовольствием сообщил он.

– Ты тоже, – ударил его по плечу Ланкастер. – Разреши представить тебе моего нового друга, легион-генерала Огоновского. Он, как ты должен помнить, личность небезызвестная.

– Дорогой доктор, – чуть поклонившись, Шнеерсон протянул Андрею огромную, обильно украшенную перстнями лапу.

– Очень рад, – Андрей засмотрелся на бугристое предплечье ресторатора, украшенное богатой коллекцией типично десантных татуировок.

Таковыми руками Джо, наверное, мог свернуть в трубочку любой из своих сотейников. На левой скуле у него красовался небольшой белый шрам, еще один, более широкий, Огоновский разглядел чуть повыше правого соска – то были следы давних лучевых ранений, прекрасно знакомые Андрею. Повара с такими отметинами ему еще не встречались: очевидно, Шнеерсон получил свои кресты в золотом погоне отнюдь не только за образцовые рагу и подливки.

– Что будем пить, господа генералы? – осведомился Джо.

– Наверное, коньяку, – Ланкастер вопросительно посмотрел на Андрея. – Сегодня нам можно. Вообще мы надолго: нас посылают на дело, и говорить мы будем, пожалуй, едва не до полуночи. Так что распорядись кабинетик и смотри, чтобы нас не дергали.

– Что ж, – понимающе закивал Шнеерсон, – тогда я осмелюсь предложить для начала уточку эттали – это местная птичка, дивных достоинств, – и, разумеется, сюрпризные соусы по столичным рецептам.

– Здесь мы во всем полагаемся на тебя, – улыбнулся Виктор. – И... часам к восьми будь готов послать человека в город за нашими вещами. Ведь вы, Андрей, наверняка не платили за свой номер вперед? А у Джо, я думаю, найдется пара скромных комнатушек.

Огоновский согласно кивнул: он остановился в небольшой гостинице для членов корпорации отставных флотских врачей, расположенной далеко не в столь романтическом месте, как «Фазан», и отказываться от предложения было просто глупо. Шнеерсон провел своих гостей в небольшой кабинет с распахнутым настежь высоким окном, после чего исчез.

– Судя по вашим глазам, – Ланкастер достал сигареты и уселся за стол, – это неожиданное назначение удивляет вас гораздо меньше, чем меня.

– Я не исключал, что мне придется увидеть Трайтеллар еще раз, – поморщился Огоновский. – Причины вам должны быть известны. Я ведь с самого начала понимал, что с Договором Согласия там будут проблемы. В первые послевоенные годы, в период восстановления, Трайтеллар не слишком интересовал наших политиков, а теперь, конечно, ситуация изменилась. Кого-то из тамошних лидеров удалось купить различными обещаниями, а остальные, в основном это религиозные фанатики – стоят на своем как приклеенные. Для них все те блага, кото-

рые может предоставить Договор, не значат ничего. Вообще ничего! Это выглядит странно, но если вы поймете, почему они до сих пор не верят в то, что айорс давно уже исчезли как вид, многое станет ясным.

– Пойму? – удивился Ланкастер.

– Именно так – поймете. Потому что большинство наших, столкнувшись с этой каменной стеной, просто разводят руками и мычат: «Ну я не понимаю, как можно быть такими идиотами...» Сложно, конечно, кто спорит. Но дело все в том, что факт существования Отцов, которые привели их в этот мир и потребовали Службы – неоспорим. Это ведь не религия в нашем понимании... Идея Служения – это не костыль религии, как у нас, который к тому же можно отполировать или украсить резьбой то так то эдак, кому как в голову взбредет – это фундамент, понимаете? Трайтеллар – самый странный из всех человеческих анклавов, созданных когда-то айорс. Так что наше с вами назначение не удивляет меня вовсе. Впрочем, есть еще одно обстоятельство...

Свежеиспеченный генерал умолк на середине фразы, так как в кабинет вошли официанты и лично мастер Шнеерсон, несущий овальное серебряное блюдо с аппетитно пахнущей жареной птицей, обложенной зеленью. Не говоря ни слова, они расставили тарелки и соусники, не забыв про пузатую бутылку с золотистой этикеткой, и покинули важных гостей. Ланкастер потянул носом.

– Кажется, Джо не приукрасил... вы раньше не пробовали эту утку, Андрей?

– Нет, ни разу. Но будем надеяться, что ваш соратник нас не разочарует.

Ланкастер выдернул из коньяка пробку, налил Огоновскому пол-бокала и поднял глаза на своего собеседника:

– Вы упомянули некое обстоятельство...

– Н-да. Из речей нашего немногословного Гарри я сделал один нехороший вывод. Знаете, какой? Ему кажется, что «дырка» открылась не сама по себе, а в силу некоего воздействия, и произошло оно, это воздействие, «у нас», а не «там».

– Кажется или он уверен?

– Кажется. Он имеет некую информацию, но делиться ею с нами почему-то не пожелал. Но если бы не эта информация, не потребовались бы и вы, Виктор. Равно как и придаваемый нам легион. Гарри не солгал, заявляя, что наша основная задача – не более чем разведка с целью выявления уровня опасности, но он не сказал нам и всей правды. А правда в том, что мы должны либо подтвердить, либо опровергнуть его подозрения насчет искусственности «фактора воздействия». И значит, по его расчетам, мы в любом случае столкнемся с обстоятельствами, при которых...

– Я понял, – мрачно перебил его Ланкастер. – Из ваших слов я могу сделать только один вывод: ситуация в регионе далеко не так безоблачна, как утверждает Гарри. Но разузнать что там и как мы сможем только по прибытии на место, то есть тогда, когда оперативные планы строить будет уже поздно.

– Нам придется действовать сугубо «по обстоятельствам», – тряхнул головой Огоновский, – и здесь, Виктор, мы целиком и полностью зависим друг от друга, точнее, от суммы наших знаний и накопленного опыта. Хуже всего, по-моему, то, что в случае любого серьезного обострения мы с вами немедленно окажемся под глухим «колпаком сокрытия». Представьте реакцию наших политиканов, готовых на любые траты ради заключения Договора, если из «дырки» вдруг посыплются чужие бомберы с ядерными моторами? Они пойдут на все, лишь бы пресечь возможную утечку.

– Хреновая перспектива, – улыбнулся в ответ гренадер, – я бывал в такой ситуации.

– Тогда шла война, а сейчас никакой войны нет, но есть очень дорогостоящие интересы сенатских группировок. Если мы станем лишними, нас прихлопнут как мух, и никто не вякнет. Вы уже поняли, что больше всего на свете Гарри боится именно политических последствий

возможных «прорывов»? На нас прет нечто, представляющее вполне конкретную опасность, но СБ, тем не менее, от ответственности уклоняется. Почему они посылают на Трайтеллар не легендированных специалистов, а нас с вами, людей, не имеющих к проблеме безопасности Конфедерации прямого отношения? Или вы верите в дурацкие рассказы про Халефа, способного мгновенно вычислить хорошо подготовленного агента? И где, среди толпы строителей, которая, к тому же, меняется каждые полгода? Я не верю! Халеф умница, но академий Службы Безопасности он не заканчивал. Значит, в случае возникновения какого-либо скандала все свалят именно на нас с вами, забыв обо всех договоренностях и объявив нас едва ли не частными лицами. А потом просто грохнут – устроят авиакатастрофу или еще что-нибудь в таком роде. Сейчас в Конфедерации политизировано абсолютно все, можете мне поверить, я ведь тоже в некотором смысле политик, хоть и ростом с мизинец. И СБ, начнись пожар, придется играть на той или иной стороне...

– У меня складывается такое впечатление, что вы догадывались об этом еще до того, как вошли в номер Гарри. Я не прав?

– Буду откровенен – я понимал, что в любом случае меня не станут звать на Трайтеллар ради увеселительной прогулки. И о последствиях неудачи я тоже думал. Хотя... если честно, у меня была надежда, что я необходим для каких-то важных переговоров. Но, как видите, все оказалось совсем не так. Нужно учитывать еще вот что: среди «дипломатической» свиты, которую нам навяжут, наверняка будет кто-то «третий» – специалист по аномальным явлениям, способный, очевидно, произвести некие исследования на месте. И этот человек, скорее всего, получит определенные полномочия в отношении нас с вами. Роль командира легиона, который нам дадут, тоже может быть двоякой. Не думайте, что я усложняю! Я всего лишь пытаюсь просчитать все возможные направления, откуда нам следует ждать опасности.

– А вы не думаете, что наш «третий» просто представится да и все?

– Может быть. Возможно даже, я думаю о Гарри и его начальниках незаслуженно плохо. Пусть так! Вы не забывайте еще и о том, что ждет нас, очевидно, не самый лучший климат, не самая вкусная еда и не самое доброжелательное население, любой контакт с которым может закончиться ударом по черепу.

– Ну, я попытаюсь избавить вас от такого удовольствия... что-то вы, Андрей, и не пьете и не едите. Давайте-ка, давайте! У нас еще будет время обсудить политические перспективы дела.

Глава 2

– Остановите здесь, – приказал Ланкастер таксисту.
– Здесь, мастер? – удивился тот. – Но до Квинс-вэлли еще минут пятнадцать, ежели пешком! А то и больше.

– В такое утро, как сегодня, – улыбнулся Виктор и потянулся в карман легкого белого пиджака за бумажником, – пешая прогулка очень даже полезна.

Водитель молча пожал плечами: в его представлении утро было самым что ни на есть обычным. Но если клиенту охота топтать по обочине под палящим солнцем – что ж, его проблемы.

Проводив глазами удаляющуюся в сторону города машину, Виктор Ланкастер сунул в рот сигарету и упруго зашагал вдоль узкого, совершенно пустынного в этот час шоссе, что вело к небольшому поселку Квинс-вэлли, основными обитателями которого, как уже объяснил ему таксист, являлись отошедшие от дел законники и финансисты. Желтая дорога вела его вдоль обрывистого берега, в ушах мерно гудел могучий океанский прибой, и жара, благодаря свежему ветру, совершенно не казалась обременительной. В прежние времена генерал Ланкастер видывал пекло и похуже.

Когда его длинная черная сигарета дотлела до фильтра, впереди показались кованые ворота, висящие на паре могучих каменных столбов. Дальше пути не было, сквозь сетчатую ограду поселка пробивались невыносимо яркие цветы, наполняющие воздух немного приторным ароматом. Ланкастер подошел к небольшой калитке, встал под хитро замаскированной стереоголовкой наблюдения и набрал на панели замка короткий код. Прошло несколько секунд, замок щелкнул, пропуская гостя, и Виктор двинулся по широкой, усаженной яблонями аллее, в конце которой виднелись несколько изящных светлых башенок. На перекрестке он свернул налево и через сотню метров остановился перед низеньким кирпичным забором. Навстречу ему, звонко щелкая каблучками по выложенной розовым камнем дорожке, спешила молодая девушка в полупрозрачном белом платье.

– Мастер Виктор? – осведомилась она, распахивая перед ним такую же низкую, как и забор, калитку из искусственно состаренного дерева. – Папа ждет вас.

Ланкастер вежливо поклонился и двинулся вслед за своей провожатой.

Хозяин встретил его в деревянной беседке, упрятанной в тени пары старых груш: увидев, поднялся навстречу и молча обнял, легонько ткнувшись лбом в плечо.

– Добро пожаловать, братан, – произнес он, усаживаясь за крепкий дубовый стол, на котором ждали своего часа пара запотевших графинов и вазочки с фруктами. – Не думал, что ты найдешь меня здесь.

– Я тоже, – рассмеялся Ланкастер и снял пиджак. – Но как нужда припрет, так мы и не на то способны. Но что это ты, однако, прячешься?

– Это вила жены, – улыбнулся его собеседник. – О ней, я думал, мало кто знает. А в нынешнем сезоне я предпочитаю держаться подальше от Сената и моих друзей.

– М-мм, – понимающе кивнул Ланкастер, и оба захохотали.

Перед ним сидел генерал-коммодор Юри Пратт – живая легенда, «первый меч Конфедерации», штурмовик, пробивавшийся со своими гренадерами там, где пробиться, казалось, невозможно было в принципе. Первый день войны он встретил командиром отдельного ударно-штурмового дивизиона, а в день заключения мира по его рукой находилось уже более миллиона человек. Тысячи и тысячи десантников, от рядового до генерала, писали рапорты, моля начальство направить их в «корпус Пратта», или, как его часто называли, «Корпус Бешеных». Он собирал лучших: полковник мог служить у него взводным, но *такой* взвод и впрямь спосо-

бен был на невозможное. Как правило, после третьей высадки сержант получал лейтенантский гладиус – и таков был закон «Корпуса Бешеных».

И лишь немногие догадывались, что истинной причиной невероятных удач генерала Пратта являлась отнюдь не граничащая с безумием храбрость, а – расчет. Юрий Пратт являлся человеком экстраординарных способностей, развившим в себе невероятный дар анализа до возможностей полубога. Он видел болевые точки противника там, где их не видел никто, и всегда наносил шокирующий удар, – мгновенно, в первые же минуты, ломающий все системы управления и парализующий самую способность эсис сопротивляться. Стремительные легионы Пратта молнией прошивали любую системную оборону стратегических объектов врага, и она тут же рушилась, как замок на песке. Седовласые маршалы старой закалки, разбирая планы его операций, лишь пожимали плечами: «невозможно... абсурд!» – но Бесноватого Юрика их мнение волновало в самую последнюю очередь. Победителей не судят!

Ланкастер познакомился с ним еще в начале войны, встречались они и потом, в тех случаях, когда «Мастерфокс» привлекался к некоторым не слишком афишируемым миссиям на занятых эсис планетах. С каждой новой встречей их взаимное уважение росло: они очень хорошо понимали друг друга.

После войны приятели виделись всего несколько раз. Формально оставаясь в рядах армии, Юрий Пратт все больше уходил в общественную политику, тогда как Ланкастер демонстративно сторонился любой публичности, и повод для встреч находился нечасто.

– Если я правильно понял, у тебя что-то стряслось, – улыбаясь, Пратт налил своему другу полный бокал янтарно-желтого вина и придвинул к нему вазу с фруктами. – Не темни, а то я умру от любопытства.

– Не умрешь, – усмехнулся в ответ Виктор. – Я получил странное назначение. И что самое интересное, если б я от него отказался, то наши секуристы пришли бы к тебе. Забавно, не правда ли?

– Черт, – зашевелился Пратт. – И где же это может быть?

– Не гадай, а то догадаешься. Это Трайтеллар. К моей бывшей деятельности происходящее имеет довольно отдаленное отношение. Просто парням нужен крепкий рубильник с тяжелой репутацией. Первым в колоде оказался я. А вторым лежал ты.

Пратт побарабанил пальцами по столешнице. В его взгляде появилась задумчивость.

– Говори, – потребовал он. – Если там не бунт, то – что?

– Аномальный инцидент. Самопроизвольное срабатывание телепорта искусственного происхождения, ведущего в параллельный мир.

– Ничего себе! Это тебе эсбэшники рассказали?

– Я бы тоже не поверил, но мой «первый», которого я, собственно, должен холить и лелеять – хорошо тебе известный доктор Огоновский из группы Вальтера Даля. У него подобная дичь недоверия не вызвала – по его словам, во время его приключений на Трайтелларе он лично сталкивался с этим явлением.

– И с тобой, следовательно, разговаривали именно «аномальщики»?

– Полковник Харальд Кингстон Бейлис. Я думаю, его имя даже тебе ничего не скажет, там не тот уровень, чтобы ты пролез со своими доступами.

– Все это плохо, – вздохнул Пратт и пригубил вина. – Если вы там влипнете хоть в какую-то историю, хоть в кражу фиников с базара, от вас откажутся. Ты сам понимаешь, что это значит. Выборы совсем недалеко, а Договор Соглашения с Трайтелларом до сих пор не подписан, и очень похоже на то, что в ближайшей перспективе подписан не будет. Неприсоединенный человеческий мир! Что рассказывать общественности?

– Все это я понимаю, Юрий. Но есть еще одно обстоятельство – тот портал, ради которого нас посылают на Трайтеллар, находится на землях самого одиозного сатрапа. И сдается мне, что он-то лично уже давно бы все подписал, но вот его духовенство... при этом наш фараончик

– близкий друг и соратник Огоновского по той старой истории с древним грузовиком, который мог разнести пол-планеты.

– Но, тем не менее, отказываться ты не стал. Хотя мог бы.

– Мог. Но мне называли твое имя.

– Яс-сно. Кого тебе придают?

– Тут тоже беда. Легион без названия, просто номер – десять-тридцать. Моих допусков не хватает. А я хотел бы заранее знать, с кем придется работать...

Пратт молча кивнул головой. Позвав дочь, он велел ей принести свой личный инфор, и через несколько минут возни с кодами довольно вздохнул:

– Ничего удивительного. Модульный легион СБ, сформирован год назад. Командир – легион-генерал Даниэль Вассилис, начштаба – легион-генерал Хайнц Хорн. При этом Вассилис не десантник. Ты все понял? Зря ты согласился.

– Ты бы отказался? Кто-то же должен!

– Ну, мы не знаем, кто был в колоде третьим. Видишь ли, – Пратт отодвинул плотную, обшитую дорогой кожей папку, и промокнул салфеткой лоб, – есть еще одно обстоятельство, в силу которого я бы отказался наверняка. Кое-кто считает, что для Трайтелара мы еще «не созрели». Уж очень они там религиозны...

– Как мне понимать тебя? – удивился Ланкастер. – При чем тут – религиозность? Ты хочешь сказать, что кому-то вздумалось оставить человеческий мир? Но... у нас Конфедерация, а не сатрапия. Или им может не хватить предоставляемых прав автономии? Рогнару же хватает!

– У Рогнара, как ты помнишь, особо не спрашивали. Прилетели, ультиматум – все, вопрос закрыт. Но сейчас не Империя, и такая дичь не придет в голову даже самым рьяным радикалам. И Трайтеллар – не Рогнар. Побываешь, поймешь... так вот, многие из наших интеллектуалов считают, что нам просто нечего им предложить. У них и так все есть, а собственные проблемы они научились решать довольно успешно: у них нет ни перенаселения, ни серьезных энергетических вопросов. Нефти с газом у ребят море разлитое, так как планета геологически старая, а уже и атом освоен, и водород более чем. Ну, а наши технологии звездоплавания – сам понимаешь, не так уж они и важны, если вдуматься... Поэтому самое лучшее – это ждать. А вмешательство ограничить госпиталями и культурными миссиями. До тебя доходит, к чему это я? Не приведи боже ты влипнешь хоть во что-нибудь! Тебя сожрут с потрохами, вспомнят все на свете, даже то, чего не было...

Пратт умолк. Ланкастер сунул в рот спелую вишню из вазочки, выплюнул в ладонь косточку и огляделся, куда б ее определить.

– Под ноги, – не поднимая на него глаз, скомандовал хозяин. – Робот уберет. Ты, брат, сделай вот что: если вам там действительно начнут поджаривать задницу, найди способ выйти на меня. Канал ты знаешь. И держись подальше от Вассилиса. Старайся просто не пускать его в дела – мотив ты найдешь, я не сомневаюсь.

* * *

...Тяжелый штурмбот все глубже погружался в атмосферу. На объемной картинке, выдаваемой голографическим проектором обзорной системы, медленно приближался изрезанный желтовато-коричневый контур побережья. В десантном деке машины, рассчитанном на двадцать человек, находились всего четверо: Ланкастер, Огоновский и двое их сопровождающих – молодой советник Дипкорпуса Конфедерации, как лицо в данном случае совершенно неизбежное, и сухопарый, дочерна загорелый флаг-майор Службы Безопасности. Несмотря на недавние тревоги Огоновского, «вычислять» его и впрямь не пришлось.

...– Флаг-майор Ярослав Чандар, – спокойно представился он, когда Виктор и Андрей впервые появились в кают-компании носителя, где их ждали остальные участники экспедиции, – доктор физики. Буду сопровождать вас... по известному делу.

– Нас будет только четверо? – удивился Огоновский.

В кают-компании, помимо Чандара, находились лишь командир легиона Вассилис, его начальник штаба и розовощекий голубоглазый парень в украшенном серебряным галуном парадном камзоле Дипкорпуса.

– Вы ожидали целую делегацию, господа? – широко улыбнулся он, подходя ближе. – Разрешите отрекомендоваться: Эдвард Норман, советник третьего ранга. Имею приказ сопровождать вас как официальный представитель Дипломатического Корпуса Конфедерации Человечества.

Ланкастер незаметно куснул губу. Столь незначительный состав оперативной группы, за обеспечение безопасности которой он отвечал, заставил его окончательно увериться в том, что дело нечисто. Убрать всего лишь троих в итоге гораздо проще, чем, скажем, девятых – плюс мальчишка от Дипкорпуса. «Мальчишка свалился за борт... так молодой был, что поде-лаешь!» Однако за шесть суток перехода до Трайтеллара Эдди ненавязчиво дал ему понять, что оснащен некоторым двойным дном, и с разнообразными элементами снаряжения десантника, которое они проверяли и подгоняли под себя, он знаком не понаслышке. Четыре полных комплекта, вместе с личным оружием, ждали их на носителе, и Ланкастер не преминул предложить своим подопечным регулярные тренировки. Огоновский, разумеется, оказался откровенно плох, – как из-за неумения, так и, в меньшей степени, в силу образа жизни, давно уже не предполагавшего каких-либо физических нагрузок. А вот Чандар и Норман вполне жизнерадостно скакали по тренировочному залу, не пугаясь даже упражнений на искусственной скале в зоне с двумя g.

Попытки Огоновского разговорить физика на предмет грядущих исследований закончились ничем. Чандар просто улыбнулся и молча помотал головой.

– Либо мы что-то увидим, – все же добавил он, глядя на закипающего Огоновского, – либо нет. И все.

Андрей хмыкнул и отвернулся. Посмотрев на него, Ланкастер понял, что так просто доктор дела не бросит. А значит, определенные трудности могли возникнуть еще и на этом направлении.

Впрочем, ответы на многие из его вопросов ожидалось уже скоро. Халеф, точнее, Почтительнейший Сын Осайя, с нетерпением ждал своего друга, генерала Огоновского, купно с достойными мужами, сопровождающими его превосходительство в увеселительной прогулке, обещающей стать воистину незабываемой... катер перешел в горизонтальный полет, далеко впереди, в чуть колышущейся дымке, появились серые башни большого города.

– Вот и наш Раммах, – негромко произнес Огоновский. – Перед нами Эйгор, древняя столица. Раньше я видел ее только сверху, да и то мельком.

Сидящий рядом с ним Ланкастер кивнул головой. Среди материалов, предоставленных специалистами СБ для изучения во время полета, находились сотни разнообразных снимков столицы управляемой Осайей страны, как совсем старинных, черно-белых и более поздних цветных, так и современных, сделанных уже с орбиты. Город производил двойное впечатление. До клерикального путча, обрушившего народ Раммаха в пропасть дикости и отвратительной нищеты, это был крупнейший научно-промышленный центр планеты. Здесь располагались древнейшие библиотеки, собранные гордыми эйгорскими владыками за много столетий до пламени Сражающихся Континентов, университеты, в которых учились студенты со всего Трайтеллара, в этих облупленных ныне башнях недавно еще бурлила деловая жизнь. Именно Раммах первым на планете смог создать космическую индустрию, и только его инженеры сумели

построить те несколько звездолетов, что покинули когда-то планету в поисках далекой иной жизни.

Теперь же от всего этого великолепия остались лишь три турбореактивных самолета, сиротливо застывшие на краю давно не ремонтировавшегося аэродрома. Огромные окна пассажирского комплекса оказались там и сям заделаны каким-то серыми щитами. Пилоты опустили катер правым бортом к главному выходу из аэровокзала и, едва опоры коснулись потрескавшегося бетона, из широких дверей появились встречающие.

Троих Ланкастер безошибочно опознал как военных – короткие курточки, широкие свободные шаровары и смешные мягкие колпаки с какими-то бантиками по бокам. Из оружия офицеры имели маленькие пистолеты в ременных петлях на правом боку. Еще трое, видимо, чиновники – они в разного цвета рубашках с коротким рукавом, застегивающихся спереди на шнурке, и почти одинаковых бриджах в полоску. А вот седьмой, величественного вида старец с округлой седой бородой, наряженный в синий халат, подпоясанный аж двумя белыми кушаками, к верхнему из которых прицеплена пара длинных кинжалов в алых с серебром ножнах – жрец? Да, тотчас вспомнил он ранее виденные снимки, и не просто жрец, а судя по размерам гребня на его сферическом шлеме, что-то вроде архиепископа. И если уж кто из этой компании опасен, то, пожалуй, именно он.

Катер шел с полным боевым экипажем, поэтому в ходовой рубке находились четыре человека. Один из них – командир, – остался за штурвалом на случай обеспечения экстренной эвакуации, а второй пилот, бортинженер и канонир-оператор, выскочили наружу через нижний шлюз, торжественно помогли откинуться люку атмосферного створа и замерли у выехавшего вниз трапа. Весь этот спектакль был отработан еще на носителе, и заминки не случилось.

Первым следовало выходить Андрею. Он поправил на себе меч, нахлобучил на голову фуражку и ступил на трап. От группы встречающих немедленно отделились двое чиновников, чтобы, избежав по ступенькам, нежнейше подхватить его под руки. В этот момент Огоновский с ужасом понял, что парадный китель, пошитый у неплохого, вроде бы, портного, немного узок ему в плечах. Прежде это почему-то не ощущалось... На бетоне, впрочем, его оставили в покое. Следом из катера вылез Ланкастер. Чинуши дернулись было подхватить и его, но тут же остановились, потому что Виктор, вдруг забыв о церемониале, ссыпался по трем ступенькам, почти не коснувшись ни одной из них, как он делал всю свою сознательную жизнь. Тогда вперед выступил жрец. Широко разведя руки, клирик произнес короткую гортанную фразу. Сразу же ожил один из чиновников:

– Его почтительность, храбрейший из достойных, Суурам-джу баан Аргор приветствует его превосходительство Огоновски на земле Сыновей.

– Я рад встрече с его почтительностью, – так же развел руки Огоновский.

Ему было жарко, да еще где-то рядом, похоже, располагалась скотобойня, на которой не задумывались о санитарных нормах. Но церемонию, к счастью, затягивать не стали. Огоновский назвал имена своих сопровождающих, после чего Эдди Норман с поклоном вручил жрецу стандартный пакет с орлами Конфедерации, где находился удостоверяющий его ранг документ, и на поле выехали три автомобиля.

Длинный, блистающий тонированными стеклами белый микроавтобус явно произвели недавно и наверняка не в Раммах: тут, как все знали, уже давно не делали ничего сложнее серпов и молотков, страна выживала за счет почти дармового труда верующих и продажи соседям урана, добываемого каторжниками. Два других авто представляли собой тентованные армейские грузовики с пулеметами над кабиной. Определить их первоначальный цвет было почти невозможно, потому что и борта и кабины давно облезли и покрылись ржавчиной. Но тем не менее эта рухлядь еще ездила.

Гости, жрец и переводчик погрузились в прохладное кондиционированное нутро микроавтобуса, а все остальные полезли в грузовик. Третий рыдван повез контейнеры с поклажей, извлеченные экипажем катера из технического отсека.

Жрец, к счастью, оказался неразговорчив. Сев в переднем ряду спиной к водителю, он скорбно поджал губы и уставился в потолок. Переводчик же затевать самостоятельную беседу не решился, поэтому ехали молча.

Разворачивающаяся за окнами картина производила мрачное и очень странное впечатление. Ни Огоновскому, ни даже Ланкастеру ничего подобного видеть не приходилось, причем фотоматериалы, изученные ими, давали, как казалось теперь, несколько искаженное представление. На снимках запустение и разруха казались не такими вопиющими, как в действительности. Кортёж шел по широкому и некогда, очевидно, весьма ухоженному многополосному проспекту, обсаженному по обочинам деревьями с густо-зеленой листвой. Правда, кое-где на месте деревьев обнаруживались лишь трухлявые пни... асфальтовое покрытие не ремонтировалось с момента путча, машину то и дело бросало из стороны в сторону – то несчастный водитель пытался объезжать бесчисленные выбоины, и нещадно трясло. Вскоре проспект кончился, и появились многоэтажные здания. Некоторые окна были выбиты, некоторые заделаны ржавыми листами железа, уцелевшие стекла никто не мыл уже много лет, но все же, там жили люди: из дыр в стенах торчали жестяные трубы печек. Здесь не росло ни одного дерева, лишь какие-то чахлые кустики с желтыми ягодами.

Сгорбленные фигурки в серых, часто дырявых хламидах, иногда попадавшие на улицах, при виде автомобилей становились еще меньше ростом и норовили исчезнуть в ближайшей щели. Неожиданно за перекрестком на какой-то площади появился храм. Грибообразное строение из такого же серого, как и все вокруг, камня показалось Ланкастеру единственным не ободраным зданием во всем Эйгоре, но уже через квартал он убедился в том, что это не так. За окнами автомобиля возникли, словно из сказки, чистенькие, недавно выкрашенные заборы, скрывавшие от людских глаз жилища духовенства – такие же, только намного уменьшенные грибы.

«В лучшем случае каторга, – подумал Ланкастер, облизывая губы. – Каждому из них лет по двадцать – если они подпишут Договор. А подписывать когда-нибудь придется!»

Квартал клириков закончился так же неожиданно, как и начался. Машина замедлила ход, чтобы подъехать к величественному пирамидальному зданию. Здесь уже не было ни грязных, ни тем более выбитых окон, наоборот, пирамида выглядела более чем респектабельно.

Выскочив наружу, переводчик согнулся возле распахнутой двери. Не обращая ни малейшего внимания на гостей, жрец неторопливо покинул салон и зашагал к широкой парадной лестнице, выложенной гладким серым камнем.

– Забавно, – прошептал Огоновский, вылезая.

Лакированные деревянные двери над лестницей разъехались в стороны. Зачем-то одергивая на себе широкое свободное одеяние бирюзового цвета, навстречу жрецу вышел молодой человек с коротко подстриженной черной бородой и, остановившись, произнес что-то с явным раздражением в голосе. Жрец склонил перед ним голову и поспешил шмыгнуть в сторону, чтобы секундой позже скрыться в стенах дворца.

– Да тебя прямо и не узнать, – хмыкнул Огоновский, видя, что Халеф почти бегом спускается к ним.

Ланкастер вытянулся и положил левую ладонь на навершие рукояти своего меча. Военные и чиновники, стоявшие на три шага позади, склонили головы. За секунду до того Виктор ощутил короткий толчок страха, исходившего от вояк с бантиками. Довольно рослые благодаря относительно низкой гравитации планеты, рядом с ним они все равно казались заморышами. Роскошный черно-зеленый мундир, разительно отличающийся от их скромной уни-

формы, огромная кобура на правом боку и меч на левом превращали его в зловещего гиганта, действительно способного повелевать небесами.

Завидев, что Почтительнейший Сын, приблизившись к своему другу, заключил его в объятия и облобызал, подданные Осайи склонились еще ниже.

– Ты стал мужчиной, – улыбнулся Огоновский, слегка отталкивая Халефа от себя.

– Так ведь сколько лет прошло, – засмеялся тот. – Ты не представляешь, до чего я рад тебя видеть. Ну, представь мне своих друзей...

Первым делом из багажа был извлечен довольно объемистый ящик с продовольствием и алкоголем, заготовленный в качестве одного из подарков. Не дав гостям обжиться в отведенных им апартаментах на шестом этаже дворца, Почтительнейший Осайя поволок Огоновского и Ланкастера в свое крыло. Чандар и Норман пока остались в комнатах – им предстояло установить наносистемы безопасности.

Дары уже распаковали. Посреди роскошного зала с высоким потолком, украшенным изящными лепными узорами, находился огромный овальный стол из темного дерева, уставленный ящиками и коробками с логотипами различных фирм.

– Как же я скучал по коньяку! – возопил Осайя, бросаясь к столу, едва трое охранников с длинными винтовками, стоявшие у дверей, покинули по его приказу зал. – Невероятно! «Кассанданский бастион», какое счастье! Сорокалетний! О, Кассандана!

– Ты был на Кассандане? – чуть поднял бровь Огоновский.

– Да, – отмахнулся Осайя, нетерпеливо распечатывая пластиковый ящик с бутылками, – давно уже.

Ланкастер бросил на короткий взгляд на Андрея: об этом в представленных им документах не было ни слова. Врач ответил ему понимающим кивком и подошел к столу.

– Вот здесь, я вижу, у нас фруктовые салаты, здесь копченая утка, языки в грибном соусе... с чего начнем, Ваша Почтительность?

– С чего хочешь, – вдруг покраснев, Осайя стал похож на того, прежнего Халефа, с которым они когда-то шатались по горам далекого Севера и пробивались через охваченную гражданской войной Страну Солдат. – Мои повара приготовили парадный обед, но я не очень уверен в том, что он вам сильно понравится.

– Твои яства мы попробуем позже, – Огоновский решительным жестом выдернул из ящика бутылку коньяка, указал Ланкастеру на ящик с консервированным языком и огляделся по сторонам в поисках какой-либо посуды: таковая обнаружилась на небольшом низком столике у окна.

Халеф кивнул и придвинул к столику три мягких пуфа, расшитых по бархату тонким серебряным узором.

– Как я оказался здесь, – начал он, обведя пальцем зал, – вы, очевидно, уже знаете...

Ланкастер живо вскрыл четырехлитровую стандартную банку, поставил ее на стол и с любопытством взял в руки длинную немного загнутую вилку с тремя зубьями, лежавшую на резном серебряном подносе.

– Знаем, конечно, – сказал он. – Но, может быть, вы не сочтете за труд рассказать нам все своими словами?

Хорошо, – Осайя опустился на пуф и сделал гостям приглашающий жест. – Плесните мне этого божественного напитка, а то меня уже тошнит от нашего ягодного пойла, и слушайте. Сперва – это было еще в до прибытия первых кораблей с вашими комиссарами, у вас тогда шла война, – я в результате некоторых интриг стал наместником моего родного Кусумма. В тот момент это не было сложно... Но очень скоро здесь, в столице, к власти пришли совершенно психанутые фанатики, и все стало рушиться: сперва в Эйгоре перебили последних образованных людей, потом процесс пошел по всей стране. Они взорвали большинство электростанций, запретили работу каких-либо средств массовой информации, хотя те и так давно обслуживали

только их самих. У себя в Кусумме я спрятал несколько семей военных старого закала и успел разобрать и вывезти в горы кое-что из энергетической инфраструктуры. А потом мне помогли стать хозяином всей провинции. Что мне было делать, я представлял плохо, но понимал, что если я не соглашусь, то всем вокруг станет еще хуже. Я по крайней мере не давал расстреливать учителей и врачей, хотя у меня уже не было ни школ ни больниц – все это взорвали в первый же год. В общем, экономики у нас не было, кругом шатались безумные фанатики из южных провинций, сгоняющие голодных людей на строительство все новых и новых храмов.

– И никто не сопротивлялся? – ощерился Ланкастер.

Осайя вздохнул и поднял узкогорлый бокал на высокой ножке.

– Давайте выпьем за ваш приезд, а потом уж я вам расскажу как сумею. Понимаете, те, кто имел желание сопротивляться жрецам, либо бежали, либо погибли еще много лет назад, во время так называемого Великого Солнцеворота. Когда-то ведь я и сам фанатично верил во все то, что мне вбивали в башку Светлые Сыновья: верность Отцам как единственный смысл жизни, искоренение скверны любыми путями. А скверна, что б вы, генерал, знали – это абсолютно все, что мешает Верности. Цивилизация как таковая тоже вредна, ибо мешает той самой Верности как Служению. Надо сказать, что встреча с Андреем и общение с другими представителями Конфедерации на борту «Парацельса» вывернули меня, если можно так выразиться, наизнанку. И от всей этой Верности давно сдохшим, к счастью, айорс, у меня осталось только сожаление о бессмысленно прожитой жизни моих предков. Так что, выйдя в начальство, я только притворялся, что поддерживаю всю эту скотскую банду. Я твердо верил в одно: что вы нас не бросите. И Андрей, и Даль, обещали мне это совершенно определенно. Но... знаете, годы-то ведь шли. Все чаще я напивался и думал, что вы и в самом деле проиграли свою войну, а значит, нам рассчитывать не на что. А потом вдруг все радиосети планеты – а радиоприемник у меня, конечно, был, – просто взорвались. Ведь Даль, как вы знаете, так и не решился вступать в официальный контакт хоть с каким-нибудь из наших правительств. Он объяснял это невозможностью вмешиваться в войну в Северном полушарии, но ведь воевали не все. Не вся, в конце концов, планета! В итоге о визите «Парацельса» никто толком и не знал. Ходили какие-то неясные слухи: транспортник легтах, после того, как мы обезвредили его груз, кое-кто поспешил объявить Явлением Ковчега, но потом эта версия была опровергнута. И тут – четыре корабля сразу! Старший комиссар раздавал интервью направо и налево, портреты нашего дорогого Андрея, как недавнего спасителя планеты мелькали по всем телеканалам – я, правда, их не видел, потому что телевидения у нас уже не было ни в каком виде, а даже если бы я и сумел сохранить телеприемник, то все равно не смог бы принимать передачи от соседних государств без ретранслятора. Все гонялись, как угорелые, за нашей Касси, которая к тому времени успела родить сына и стать большим военным чином у себя на родине. Кстати, Андрей. Ты видел свои статуи, сделанные по стереоизображениям?

– Видел, – поджал губы Огоновский. – Надеюсь, ты понимаешь, почему я не прилетел лично?

– Не очень, – вздохнув, грустно улыбнулся Осайя. – Они там что-то молотили про твою занятость, но я так ничего еще и не понял. И Касси, по-моему, тоже. Она все время рассказывала о тебе – ты знаешь?

– Тогда еще шла война, – Андрей подлил своему другу коньяку и хмыкнул, отводя глаза в сторону: – и мы не до конца были уверены в ее результате. Конечно, я должен был лететь вместе с Далем, но, понимаешь, я был главным хирургом крупного подразделения, которое сражалось настолько далеко отсюда, что при подготовке экспедиции на меня просто не осталось времени.

– Ты обиделся на них?

– Нет. Решение об экспедиции приняли довольно неожиданно для всех: это была воля высшего политического руководства Конфедерации, экспедиция готовилась в страшной спешке, и транспортировать меня с другого конца галактики уже не получалось.

Ланкастер едва слышно вздохнул. Осайе не стоило знать, что четыре корабля, пришедшие на Трайтеллар едва ли не в последние дни войны, на самом деле были носителями, имеющими на борту шесть легионов десанта: существовала вероятность того, что, уходя, эсис решат зацепиться за этот, критически важный для человечества мир, – ни один из чинов разведывательного сообщества Конфедерации не мог сказать точно: известны им его координаты или все же нет. В какой-то момент решено было считать, что «верхушка» эсис *вероятно* имеет информацию о существовании Трайтеллара, а раз так – его необходимо защищать всеми доступными способами. Сам Ланкастер полагал подобное мнение ошибочным, но правды не знал, да теперь уже и не узнает, – никто.

Высадка, разумеется, не состоялась, и никто на Трайтелларе не догадался о том, что гигантские линкоры, которые можно было рассмотреть с поверхности даже в обычный сильный бинокль, на самом деле битком набиты солдатами и тяжелой техникой.

А потом война неожиданно закончилась. Потеряв в боях с Конфедерацией весь свой дальний флот, который они неторопливо строили целые столетия, эсис убрались восвояси, и на смену линкорам-носителям пришли два вооруженных транспортника, загруженные различными чудесами. Жители «цивилизованных» стран Трайтеллара толпами повалили на выставки, чтобы поглазеть на античные статуи, на полотна Рембрандта и Леонардо, сфотографироваться рядом с голографическими Гагариным и Армстронгом... Успех был таков, что один из автомобилестроительных концернов наладил выпуск копии «Кадиллака-Эльдорадо» образца 1959-го года с довольно любопытным местным дизелем – и очереди за ним выстроились на полгода! Трайтеллар пал: спешно созданный Совет по Воссоединению охотно подписал первую часть Договора Согласия.

Но вот вторую его часть, предусматривающую вхождение планеты в состав Конфедерации Человечества ни один из глав государств подписывать не спешил, и тут не помогали ни Леонардо, ни баснословно дешевая энергетика и возможность свободно перемещаться по огромному количеству принадлежащих людям миров. Вероятно, помог бы Наполеон, но будить его дух было не в силах Сената, поэтому оставалось одно: ждать...

– Ну так вот, однажды комиссары вычислили и меня. Очевидно, вашей разведке было известно, что я правлю в Кусумме, который сделал столицей своей провинции. Меня грамотно «прикрыли» мои соратники, и я смог тайно посетить Кассандану. Честно говоря, я ждал, что со мной начнут вести всякие секретные переговоры, очень надеялся увидеть Андрея, а вместо всего этого меня просто повозили по планете и отправили обратно. Я не слишком понял смысл этой стратегии, но смотреть на мир прежними глазами уже, конечно, не мог. Надо было срочно что-то делать. И тут в Эйгоре начался последний этап резни, там схватились два сопративителя, которые не могли сойтись во взглядах на Верность, которую они успели переименовать в Почтительность – впрочем, вы, наверное, этого не поймете, это у нас тут такая специфика... Я понял, что у меня есть шанс. Конечно, если б я мог, то попытался бы связаться с вашими комиссарами и попросил хотя бы несколько военных советников, но мне было уже некогда.

– Они бы отказали, – сухо произнес Ланкастер. – Возможен был вариант с «приглашением добровольцев», но он потребовал бы очень много времени при совершенно неопределенном результате. Сенатская комиссия могла и не согласиться.

Осаяя развел руками.

– К счастью, я справился сам. Один из спасенных мною генералов знал точное расположение заброшенных еще во время Солнцеворота подземных складов длительного хранения в горах Трандара – отряд, прикрывавший когда-то наш аэрокосмический комплекс, погиб на перевалах, и вся документация исчезла. Сыночки, устроившие весь этот ужас, их так и не нашли, зато нашелся старик, указавший точку на карте. Я смог собрать отряд в триста человек, вооружил его всем тем, что еще как-то работало – мы даже смогли вывезти несколько пушек и десяток тяжелых минометов, – и за сутки перебросил его сюда, в Эйгор. Мы приехали вечером,

ранним вечером. Здесь все полыхало... Улицы были просто завалены трупами. Они приходили и резали совершенно беззащитных людей, сотнями – представляете?

– Кто – они? – бесстрастно поинтересовался Огоновский.

– Фанатики... вы бы назвали их именно так, а вообще – какая разница? За ночь мы перебили человек четыреста, это была жуткая бойня, у них почти не было огнестрельного оружия, они бросались на моих солдат с ножами и пиками, а мы по ним стреляли... И утром, уничтожив больше половины местного духовенства, я объявил себя Почтительнейшим Сыном.

– И теперь ты держишься на штыках своей гвардии, так?

Осайя провел рукой по лбу. В его блестящих темных глазах на миг сверкнул солнечный луч, пробившийся сквозь неплотно задернутые шторы на окнах.

– Уже нет, – сказал он, раздраженно моргая. – Кое-что мне сделать все же удалось. Я убедил эту скотину Аргора – ну, того, которого мне пришлось отправить на аэродром, – что строить новые храмы дальше невозможно: если людей опять отрывать от полей, где они работают, начнется голод. У нас тут и так не очень сытно, но после того, как крестьяне вернулись к работе, оживилась торговля, и распухшие трупы на улицах больше не находят. Народ меня поддерживает, хотя духовенство, конечно, все боятся по-прежнему.

– Аргор у тебя за главного?

– Вроде того. Понимаешь, их ведь еще очень много. И кое-где в провинциях, хотя я везде поставил своих людей и они постреляли уйму Сыночков, реальная власть все еще у них. Их боятся, ничего не поделаешь. Недавние ужасы слишком свежи у людей в памяти.

Огоновский покачал головой. Халеф-Осайя еще не знал об открывшейся «дырке», соответственно, он не мог догадываться, с какой целью на Трайтеллар прибыла их скромная экспедиция. Но в то же время он многого ждал, предполагая, вероятно, что Огоновский и Ланкастер прилетели к нему с теми или иными предложениями.

Но никаких официальных предложений они не имели...

– Я хотел бы посмотреть, как работают у тебя наши гуманитарные миссии, – проговорил Огоновский, снова скользнув взглядом по лицу Виктора Ланкастера. – Сколько у тебя врачей?

– Только один отряд, – сморщился Осайя. – И с тем у меня были проблемы. Я отправил врачей в относительно благополучную провинцию, там рядом наши проклятые рудники, и там же ваши инженеры строят мне два аэродрома, чтобы проще было перебрасывать импортную технику. На рудниках все изношено, нужно многое менять: мои покупатели готовы взяться за эту работу, а дорог в стране практически не осталось. Тем более там, в Фируссе. Если построят аэродромы и всю инфраструктуру, туда начнут ходить тяжелые транспортники с оборудованием для шахт. В противном случае скоро мы останемся еще и без урана. А значит – вообще без лекарств, почти без тканей, без удобрений... да без ничего! Просто без ничего!

Последние слова он почти выкрикнул, стиснув от бешенства кулаки.

– Ладно, – вздохнул Андрей. – Туда мы отправимся завтра. Ты ведь сможешь отлучиться на пару дней, а?

– Даже на неделю, – улыбнулся в ответ Осайя. – Здесь, в Эйгоре, устраивать заговоры уже просто некому. То духовенство, что мне пришлось оставить, слишком трусливо и вряд ли способно на решительные действия.

– Вот и хорошо. Пообедаем мы, пожалуй, позже – а пока покажи нам свой город.

Властитель вскочил с пуфа.

– Сейчас я распоряжусь. Когда вы будете готовы?

– Минут через пятнадцать, – ответил за Огоновского Ланкастер. – Нам нужно переодеться.

– Вы хотите, чтобы мы надели комбинезоны? – вполголоса поинтересовался Андрей, когда они поднялись в отведенные хозяином апартаменты.

– Кто знает, что нас может ждать? – пожал плечами гренадер. – К тому же учите жару: в мундире мы с вами просто расплавимся, а так вентиляционная система не позволит нам даже вспотеть как следует.

Чандар и Норман все еще возились с установкой десятков крохотных датчиков и попутной регулировкой блока управления. Коротко махнув им рукой, Огоновский прошел в свои комнаты.

Очевидно, в прошлом это крыло дворца использовалось так же как и сейчас, то есть для размещения неких высокопоставленных гостей. Помещение, где ему предложено было расположиться, представляло собой роскошный гостиничный номер, состоящий из двух спален и просторной гостиной. Узорчатые ковры на полу явно подвергались регулярной чистке, вся мебель пребывала в целости, и даже оконные стекла сияли так, словно и не видели картины жуткого разгрома вокруг. За одной из дверей обнаружился санузел, состоящий из вполне обычного для эпохи туалета и большого полукруглого бассейна, утопленного в отделанный голубым кафелем пол. Огоновский с сомнением нажал рычажок над унитазом, и тут же услышал шипение воды – водопровод здесь благополучно функционировал. Значит, работали и электросети, в чем Андрей убедился, нажав выключатель на стене.

«Вот так, – подумал он. – Все вокруг эти сволочи разнесли, но для себя, родимых, мы пару станций все же оставили. Кто их, интересно, обслуживает, если по Халефу получается, что в первую очередь старались избавиться от „образованных“? Или среди жречества есть ребята с инженерными навыками?»

Андрей вернулся в гостиную, раскрыл встроенный шкаф и принялся раздеваться. Повесив в шкаф китель, он подошел к окну. Его пальцы меланхолично расстегивали белую сорочку. Окна комнаты выходили на площадь, дальше, за зеленым пятном «благополучного» квартала жрецов, среди мрачных ржавых крыш высился гриб главного столичного храма. Еще несколько похожих, только поскромнее размерами, виднелись где-то вдалеке за рекой, разделявшей столицу на две неравные части. Огоновский знал, почему культовые сооружения на Трайтелларе выглядят именно так: они копировали форму транспортников айорс, когда-то доставивших сюда предков его сегодняшних хозяев.

Здесь, на этой полной загадок планете, поклонение «отцам», методично вывозившим с полудикой тогда Земли целые этнические группы, дошло в конце концов до полного абсурда. Если, к примеру, на Рогнаре – наиболее «удачливом» айоранском мире, обнаруженном еще в имперские времена и вполне благополучно вошедшем в единую человеческую семью, после ухода «отцов» постепенно сформировались несколько весьма сложных и во многом противоречащих друг другу религиозных систем, то Трайтеллар, которому, как было известно, айорс уделяли внимание несколько долгих столетий, двигался по предельно простому пути фанатичного служения завещанной Верности. Только верность и ничего более, любые рассуждения вредны и ведут к сомнениям. Очень быстрый технический прогресс, происходивший в полном отрыве от развития этико-философских школ, на которое требуются тысячелетия, привел к некоему спиральному движению, не имевшему аналогов в истории замкнутых человеческих социумов. Очередной виток спирали неизбежно вел к страшной войне, итогом которой являлось не просто изменение политической карты планеты, а практически полное уничтожение всего имевшегося на тот момент социокультурного потенциала вплоть до утери письменности. К счастью, те войны, сотрясавшие Трайтеллар в течении нескольких тысячелетий, начинались задолго до достижения технологического уровня, при котором возможен выход на оружие массового поражения. Пороху, конечно, изводили море – а потом те, кому суждено было выжить, начинали все сначала. И первое, что они делали – это откапывали из тайников древние священные свитки и строили Храм. А через тысячу лет черед бесконечных мелких войн сменялась войной всеобщей. И так длилось до Эпохи Сражающихся Континентов, которая закончилась при достаточно высоких технологиях и, главное – с некоторым пониманием того, что

следующая война принесет гибель полную и окончательную. И тогда правители сплели хитроумнейший узор договоров, гарантировавший создание системы всеобщей безопасности.

Через два столетия после этого именно здесь, в Раммах, стартовала первая химическая ракета, вынесшая на орбиту планеты человека. Столетием позже в глубины космоса ушел первый субсветовой звездолет. С инженерной точки зрения это было безумие: железная бочка с атомными бомбами, выбрасываемыми за корму. Однако желание отыскать хоть какие-то следы «отцов» оказалось столь велико, что высшее духовенство, власть которого во многом довлела над властью светской, всячески форсировало развитие астронавтики. Но звездолеты, увы, просто не возвращались... И со временем Раммах стал центром религиозного фанатизма, на его территории одна за другой возникали своеобразные коммуны-монастыри, куда со всей планеты стекались те, кто был убежден: мы не можем найти «отцов» лишь потому, что погрязли в скверне.

Финал не заставил себя ждать. В день Великого Солнцеворота из монастырей хлынула накачанная наркотиками толпа с автоматами в руках, мгновенно затоптавшая немногочисленные городские гарнизоны – эпоха громадных массовых армий давно канула в прошлое, – и началась чудовищная резня, стоившая жизни десяткам миллионов человек. Соседние государства среагировать не успели, а когда очухались, обнаружилось, что на всех уровнях власти в Раммах находятся представители духовенства, объявившие о новом пути развития своей державы. Спорить с ними означало идти на конфликт с собственными клириками, поэтому после того, как иссяк поток измученных беженцев, Раммах просто блокировали и попытались забыть о нем навсегда.

Тщательное изучение предоставленных в его распоряжение материалов по истории Раммаха глубоко поразило Огоновского. В отличие от Ланкастера, которому, увы, приходилось воевать с *людьми*, Андрей провел свою войну за операционным столом и не видел ни мятежей на Виоле и некоторых малонаселенных колониях, ни виселиц, на которых болтались почти такие же фанатики, готовые идти за *чужими* по их первому зову... Для доктора Огоновского, для человека, выросшего в обществе, где самая мысль о покушении какой бы то ни было власти на права личности казалась симптомом психического заболевания и где Его Величество Закон был един для всех от аграрного рабочего до сенатора, все случившееся в Раммах выглядело настолько дико, что не совсем укладывалось в голове. И сейчас он хотел увидеть все это собственными глазами: наверное, потому, что все еще не до конца верил...

– Вы готовы, Андрей?

Он резко обернулся и увидел огромную, выглядящую из-за снаряжения еще более массивной фигуру Ланкастера в дверном проеме. В руках гренадер держал нестандартный шлем с витыми рогами, длинная коса уже была свернута и зафиксирована на макушке.

– Я кажется, немного задумался, – виновато нахмурился Огоновский. – Минуту.

Ланкастер вежливо склонил голову и закрыл за собой дверь. Сняв с себя наконец брюки, Андрей влез в плотный облегающий бронекомбинезон и принялся надевать внешние элементы снаряжения, стараясь не перепутать порядок. Руки выполняли непривычную работу довольно сноровисто, сказались тренировки на корабле. В конце концов он зафиксировал на спине медицинский ранец, всунул в специальную кобуру короткий офицерский излучатель и запустил энергосистему. Через пару секунд ему стало почти холодно. Огоновский довольно хмыкнул и, подхватив свой шлем с эмблемой генерала-медика на правом боку, вышел в коридор.

Ланкастер негромко разговаривал о чем-то с Чандаром. Завидя Огоновского, он кивнул физику и покачал головой:

– Хорошо научились, только вот кобуру подтянуть надо. Ну да ладно, идемте – Владыка, надо думать, уже ждался.

Четверо гвардейцев, стоявшие в конце коридора, согнули при их появлении спины. Так как ни один из лифтов во дворце, похоже, не работал, в холл спустились пешком. Там и впрямь

стоял Осайя, не проявляя, впрочем, каких-либо признаков нетерпения, в окружении десятка офицеров с длинноствольными автоматами за плечами.

– Мы готовы, – коротко поклонился Огоновский.

– Тогда прошу, – Осайя взмахнул рукой, и двери парадного подъезда тотчас распахнулись.

Троица погрузилась в давешний микроавтобус, спереди с водителем сел самый дюжий из стражников, и машина плавно взяла с места.

– Вы хотели бы увидеть что-то конкретное, или просто проехаться по городу? – спросил Почтительнейший Сын.

– Я хотел бы посмотреть на больницы, – выдавил Огоновский. – От них хоть что-то осталось?

Осайя вздохнул и молча помотал головой.

– Давайте я лучше отвезу вас на единственную станцию водоснабжения, которую мне удалось восстановить, – предложил он. – Я закупил новое оборудование, и теперь в городе кое-где есть вода. Хотя с канализацией по-прежнему плохо, все очистные сооружения разрушены.

– Тогда вези нас на рынок, – решительно распорядился Огоновский. – Я должен увидеть твоих подданных. Или рынка у тебя тоже нет?

– Боюсь, мои подданные раньше разбегутся, – покачал головой владыка, но все же, повернувшись к водителю, произнес короткую рубленую фразу.

Водила молча развернул машину, и вскоре их кортеж оказался в узком лабиринте немисливо грязных улочек, застроенных кривоватыми двухэтажными строениями. Очевидно, система вентиляции автомобиля была открыта, потому что весьма скоро Огоновский ощутил характерный аромат фекальных масс.

Осайя оказался прав – согбенные фигурки в лохмотьях, волокущие на спине какие-то мешки или толкающие перед собой тачки с разнообразным товаром, при виде автомобилей исчезали, как тараканы, прячась в приоткрытых дверях домов или темных переулках.

– Вот и рынок, – произнес Осайя.

Автомобиль остановился. Огоновский прицепил шлем к поясу и решительно распахнул дверцу.

Воняло тут немисливо: к запаху дерьма примешивалась густая вонь подгнившей рыбы да еще и какой-то плесени. Будь его воля, Андрей приказал бы немедленно снести все эти халабуды и обработать все вокруг по полной программе, а потом посадить сады.

– Невеселое зрелище, – услышал он голос Ланкастера над ухом.

Улочка, по которой они только что ехали, закончилась довольно большим пространством, сплошь занятым рядами каких-то навесов, кое-где попадались и более капитальные кирпичные коробки, уцелевшие, очевидно, от прежних благополучных времен. Люди – сотни людей, застигнутые их прибытием врасплох, старались спрятаться под прилавками, где уже засели, очевидно, хозяева, или же испуганно жались друг к другу, не смея ни двинуться с места, ни даже поднять глаз. Огоновский решительно зашагал вперед, обошел машину и остановился, внимательно разглядывая жалкую толпу, от которой очень ощутимо веяло не страхом даже – ужасом. Рядом с ним встал, широко расставив ноги и держа руку на расстегнутой кобуре, Ланкастер. Жутковатый рогатый шлем уже находился у него на голове, и Огоновский не мог видеть лица своего товарища.

Сзади подобрался Осайя, которого частично закрывали два рослых гвардейца.

– Почему они тебя так боятся? – спросил Огоновский.

– Они боятся не меня как такового, – чуть куснул губу владыка. – Они боятся власти... в данном случае – моих гвардейцев, хотя те не сделали ни одному из них ничего плохого. Скорее наоборот. Но – это будет длиться еще долго.

– Возможно...

И Огоновский двинулся вперед. Оборванцы – от некоторых воняло повеселее, чем от старого золотаря, другие же, как показалось Андрею, не забыли еще элементарной гигиены, – поспешно расступались перед ним и идущим следом Ланкастером. Сзади нерешительно семенил Осайя в сопровождении уже четырех гвардейцев. Огоновский остановился перед прилавком, на котором были разложены не совсем свежие дары моря: рыба, какие-то крабы, змеи, и заглянул за него. На Андрея без особого страха смотрел сморщенный, смуглый, похожий лицом на засахаренный финик, дед с клочковатой седой бородой. Несколько мгновений они молча изучали друг друга, потом рыбник вдруг поднялся и, нерешительно улыбаясь, произнес что-то.

– Он говорит, что узнал вас, – перевел подошедший Осайя. – Он знает, да и многие тоже, что несколько лет назад из космоса прибыли наши старшие братья. Судя по его возрасту, он должен хорошо помнить жизнь до Солнцеворота, а потому еще помнит что такое космос и все прочее.

– Прочее, – фыркнул Огоновский. – Скажи ему, что я воспользуюсь аппаратом, дающим перевод прямо в мозг. Пусть не переживает лишний раз.

На лице торговца отразилось некоторое удивление, но он тут же кивнул головой и замер в ожидании. Огоновский нащупал пульт управления информационно-аналитическим узлом, находящийся у него на поясе, сдвинул крышку и перещелкнул маленький тумблер транслинга.

– У вас несвежий товар, – сообщил он рыбнику. – Я вам это как врач говорю. Того и гляди людей потравите.

Старик дернулся, недоуменно моргнул, потом расплылся в улыбке.

– Вы врач? Мы уже давно не видели ни одного врача! Я торгую рыбой всю жизнь. Раньше у меня были огромные холодильники и я поставлял товар в самые лучшие рестораны Эйгора. Теперь вот холодильников нет и рыба, пока ее довезут с побережья, успевает немного завоняться. Но это ничего, господин доктор! Хорошо хоть, что сейчас нам разрешают торговать, а не гонят на стройку за миску похлебки в день.

Слыша разговор, из-под соседних лотков показались торговцы и покупатели, успевшие набиться к ним в гости. На лицах людей было боязливое удивление, но первый приступ страха уже прошел, и теперь они вполголоса переговаривались друг с другом, указывая на незнакомцев в диковинных доспехах.

– Значит, вы были предпринимателем? – спросил Огоновский.

– Я закончил коммерческий институт! – с гордостью отвечал старец. – А потом лишь случайно остался в живых. Наверное, потому, что хорошо таскал кирпичи...

«Что мне сказать ему? – вдруг подумал Огоновский, с болью глядя в доверчивые глаза старика. – Что я могу сказать ему, я, врач, генерал Конфедерации?.. Что он вряд ли доживет до тех времен, когда рыбу снова начнут возить в рефрижераторах?»

Андрей положил свою широкую ладонь в металлизированной перчатке на его заскорузлые пальцы и произнес, кривя губы в грустной улыбке:

– Таскать кирпичи вам больше не придется. Храмов и так достаточно.

И, резко развернувшись, шагнул к машине. Глядевшему на него Ланкастеру показалось, что Огоновский неожиданно сгорбился, став похожим на окружающих его несчастных. Впрочем, это длилось недолго, и уже через мгновение спина легион-генерала была такой же прямой, как и прежде.

– Боюсь, что теперь мне предстоит беседа с представителями духовенства, – усмехнулся Осайя, когда микроавтобус, развернувшись вслед за грузовиком охраны в тесной кишке улицы, двинулся вперед.

– Так свороти эти гадам хари, – порекомендовал Огоновский, доставая из кармана фляжку с коньяком.

– Однако они могут свернуть мне в ответ шею, – покивал владыка. – Нет, в столице я их не боюсь, но, во-первых, есть еще провинции, а во-вторых, есть народ.

– Этот народ?! – ощерился Андрей, дернув большим пальцем себе за спину. – Этому народу достаточно. Даже более чем.

– Не совсем так. Многие все равно ходят в храмы: не из страха, в общем-то, так как за последние годы люди привыкли жить как крысы, и тащить каждого прихожанина за шкуру довольно накладно. Нет, они привыкли верить, привыкли слушать слова проповедников... ты думаешь, мне не хотелось бы извести все это жирное племя под корень? Но это не так-то просто. Нет-нет, революционный путь в моих условиях невозможен. Нужно все делать постепенно.

– А за это время твои подданные успеют благополучно передохнуть от эпидемий. И потом, когда сюда прилетят прокураторы Конфедерации – а они рано или поздно прилетят, можешь мне поверить, – тебе, уже седому и старому, вкатят пожизненную каторгу за преступления против человечности. Долго ты на каторге протянешь?

– Мне будет уже все равно, – очень серьезно ответил Осайя. – Ты зря дуешься на меня, Андрей. Если б ты знал... я ведь действительно делаю все, что могу. Когда построим аэродромы, у меня появятся деньги и я смогу восстановить канализационную систему – хотя бы здесь, в Эйгоре. Может быть, сюда прилетят ваши врачи, тогда я попробую отстроить центральную клинику, она, в общем-то, не так уж сильно пострадала...

– Тебе построят какие хочешь клиники, причем бесплатно! – огрызнулся Андрей. – Только если ты решишься перевешать всю эту сволочь и навести в стране порядок. Я могу вернуться не просто так, а с докладом, и тогда тебе помогут. Здесь, на человеческой планете, гуманитарная катастрофа, сюда надо срочно слать целые институты...

– С докладом? – не понял его Осайя.

– Меня сделали политиком, – вздохнул Огоновский. – Маленьким, конечно, регионального уровня, но у меня есть право прямого обращения в Сенат.

– Тогда сюда придется отправлять войска, – негромко напомнил ему Ланкастер. – А это на данный момент вряд ли возможно.

Огоновский умолк. Некоторое время он сидел, бездумно глядя в окно, и никто не решался нарушить наступившее молчание.

– Пат, – произнес он наконец. – Ни туда и ни сюда. Вообще никуда... э-э, черт, а ну стоп!

Осайя тотчас же хлопнул по спине водителя, и машина, плавно качнувшись, остановилась. Андрей выскочил на проезжую часть. Дернув в неодобрении головой, за ним выпрыгнул Ланкастер. Автомобиль замер в десятке метров от развалин некогда величественного многоэтажного здания, перед которыми, на груде битого кирпича, сутились согнутые серые фигурки: люди сортировали кирпич, отбирая пригодные экземпляры, и загружали его в тачки. Однако не эта мирная картина привлекла внимание Огоновского. Перед облупленной стеной давних уже руин, на потрескавшемся асфальте стоял высокий человек в жреческом облачении и, выкрикивая что-то, с маху молотил палкой по спине скорчившегося перед ним мальчишки в коричневом рванье.

– Что здесь происходит? – грозно рыкнул Огоновский. – А ну-ка, – и, подойдя ближе, поднял истязаемого на ноги. – Черт, да это девушка!

Ланкастер нахмурился. Андрей действительно держал за шиворот молодую девушку – точнее, почти девчонку с огромными заплаканными глазами, распухшими и окровавленными от побоев губами, под правым глазом желтел давний синяк.

Жрец, сперва оторопевший, вдруг рванулся вперед и попытался вырвать свою добычу из рук Огоновского, но тот с неожиданной солдатской ловкостью шатнулся в сторону. Жрец, оказавшийся тоже совсем молодым парнем, выпучил от ярости глаза и заорал что-то на подошедшего сзади Осайю, совершенно не обращая внимания на автоматы охраны.

– Он в своем праве, – хладнокровно перевел владыка. – Эти дети принадлежат храму, так что он может распоряжаться ими вне зависимости от моих указов и запретов хватать людей с улицы.

– Так что мне, оставить все как есть? – дернулся, как от удара, Огоновский. – Да нет уж.

Не выпуская девушку, он отщелкнул левой рукой нижние застежки своего ранца и, мгновенно переведя его на грудь, достал набор первой помощи. Видя, что Андрей осторожно вытирает с губ девчонки кровь, жрец рассвирепел окончательно и потянул из-за кушака плеть. Осайя предупреждающе крикнул ему что-то, но тот только отмахнулся, и прежде чем охранники успели сдернуть с плеч оружие, мастерски вытянул Огоновского по плечу. Раздался оглушительный щелчок кожи по броне наплечника, но Андрей даже не дернулся, спокойно продолжая свое дело. Грозно заворчал начальник охраны, однако жрец, развернувшись к нему, ответил визгливой тирадой и снова поднял плеть. Побледнев, Осайя с криком бросился на перехват; до жреца было слишком далеко.

– Виктор, сделайте с ним что-нибудь, – спокойно произнес Огоновский, доставая из аптечки инъектор.

– С огромным удовольствием, – пробурчал Ланкастер, делая знак Владыке не двигаться. – Но руки я пачкать не стану... Мой клинок вполне пригоден для казни.

Плеть взрезала воздух, и вдруг жрец дернулся, едва не потеряв равновесие: кончик кожного жала замер в чешуйчатой бронированной ладони огромного гренадера. Уинг-генерал Ланкастер поднял забрало рогатого черного шлема и шумно сплюнул в сторону. Подбежавший Осайя остановился; отшвырнув бесполезную теперь плеть, жрец выхватил из-за пояса кинжал и молча бросился на Ланкастера. Тот не шелохнулся. Кривой клинок ударил его в живот и отскочил, не причинив ни малейшего вреда.

– Все видели? – спросил Ланкастер, включив свой транслинг на «веер». – У кого-то будут претензии?

Осайя молча качнул головой. Не обращая ни на кого внимания – глаза его были белые от неконтролируемого уже бешенства, – жрец с размаху резанул Ланкастера по наплечнику, стараясь задеть шею, и это было все: коротко сверкнул золотом меч.

Почтительнейший Сын Осайя взвизгнул. Пару мгновений молодой жрец стоял, недоуменно опустив вниз голову, потом верхняя часть его тела рухнула на асфальт.

– Разбегайтесь! – крикнул Ланкастер, поворачиваясь к застывшим в ужасе детям. – Бегите, вас никто не поймает!

Глава 3

Ближе к вечеру, после довольно странного обеда, состоявшего в основном из жареных бобовых и какого-то сладкого мяса, Ланкастер осторожно вошел в дверь апартаментов своего напарника. Огоновский стоял у чуть приоткрытого окна – под ногами у него валялись несколько затоптанных сигарных окурков, на придвинутом пуфе лежала здоровенная серебряная фляга.

– Андрей...

Огоновский повернулся. Ланкастер был без кителя, в белой сорочке, черных галифе и высоких парадных сапогах. Коса уже не лежала на спине тугой змеей: чуть выющиеся, распущенные волосы уинг-генерала мягким покрывалом облегали его плечи и спину.

– Я решил спросить вас – это была провокация? Мне очень не хотелось бы в это верить... Хотя, впрочем, теперь мы достаточно четко представляем себе, чего стоит власть нашего друга Осайи.

– Власть Халефа, который, к сожалению, так и остался всего лишь мужественным мальчишкой, стоит чуть больше, чем вам кажется, Виктор, – голос Огоновского прозвучал мягко, слишком мягко – и Ланкастер немного смутился. – Жрец был в своем праве. Заметьте, ведь бросился он отнюдь не на Почтительнейшего Сына, а на меня, на презренного чужака, пытающегося оспорить его право на собственность. Он всего лишь защищался, не более. Но убить его мы были обязаны. Вы же сами понимаете – вооруженное нападение на офицера Конфедерации. Да, это была всего лишь девчонка. Но что тогда стоит вся наша мощь и наша, столь яростно декларируемая, тысячелетняя слава, если мы с вами, вдумайтесь – два генерала! – не в состоянии защитить – кого – избитую девчонку?

– И вы считаете?.. – Ланкастер замер на месте.

– Виктор... – на губах Андрея Огоновского появилась усталая улыбка, он даже чуть опустил глаза. – Виктор, а по-вашему я мог поступить иначе?

Ланкастер резко дернул головой, и его волосы, уже подернутые пеплом ранней седины, взметнулись над плечами, кратко обнажив золото маленьких погон, пришпиленных к белому шелку сорочки. Несколько секунд он в упор смотрел на стоящего перед ним Огоновского – невысокого, едва достоявшего ему до плеча, широкоплечего и оттого коренастого: в глаза ему почему-то бросились ухоженные руки с сильными, подвижными пальцами хирурга.

Уинг-генерал Ланкастер опустил голову так, что подбородок коснулся холодной рубиновой эмали Рыцарского Креста, что крепился чуть ниже узла галстука, – и, щелкнув каблуками, вышел.

...Этот носитель был несколько модернизирован: огромную треугольную «плиту» тяжелого танконесущего штурмбота переделали в мобильный информационный центр, оснастив машину самыми мощными аналитическими системами, сотнями «стреляющих» батарей наноразведчиков и корректировщиков, заатмосферными сканерами и, наконец, превратив обширный грузовой дек в роскошный и даже немного вычурный командный пункт. Отсюда можно было видеть всю солнечную систему Трайтеллара: всего лишь покачиваясь в мягком бархатном кресле цвета состарившейся меди.

Таких чудес ни Осайя, ни, тем более, его избранные гвардейцы числом в дюжину, коих он пожелал захватить с собой на выдающуюся охоту в провинции Фирусса, не смели даже вообразить. Машину вел Ланкастер – пригнавшие ее на аэродром пилоты ушли на орбиту на резервном катере, опустившемся рядом с ботом. Самым удивительным для Огоновского было то, что гренадер управлял аппаратом не из ходовой рубки, а прямо здесь, развалившись в широченном кресле офицера-координатора, куда были вынесены дополнительные штурвал и педали. Перед ним висели невидимые для окружающих голографические экраны, выдающие обстановку три-

ста шестьдесят на сто восемьдесят, а за спинкой его катапультируемого кресла стоял развернутый боком восьмидесятитонный танк-транспортёр: некоторое свободное пространство в деке все же оставили. В принципе, Ланкастер мог бы вести бот и прямо из танка, но подобные фокусы он решил оставить на потом.

Бот шел медленно, не более двух М. На обзорных экранах, вывешенных для офицеров гвардии и самого Халефа, неслись пухлые белые облака, в редких разрывах которых иногда появлялись коричневые пятна прибрежной полосы.

– Минута! – громко произнес Ланкастер.

– Н-да? – удивился Чандар, задремавший на посту офицера дальней связи. – Уже?

Ланкастер поднял правую руку. Слегка двинув штурвалом, он полностью исключил влияние главного навигационного мозга на систему управления и теперь, прищурившись, высматривал впереди селения, в которых работали медицинские миссии Конфедерации. На экране передней полусферы вспыхнул зеленый огонек – сигнал маяка. Виктор довольно улыбнулся. Огромная тяжелая машина мягко скользнула вниз, впереди появились сотни серых островерхих коробочек – столица провинции Фирусса.

– Ты видел свои владения сверху? – поинтересовался Огоновский у Осайи.

– Эти – ни разу, – признался тот. – У меня осталось несколько самолетов, но...

– Виктор, – позвал Огоновский, – сделайте круг над городом!

Ланкастер молча воздел над головой левый кулак. По совести говоря, ему стыдно было бы признаться, что за штурвал подобной машины он не садился более пятидесяти лет – с самой Академии, однако данный экземпляр, одна из последних, почти незнакомых ему моделей, была настолько послушна и ласкова, прощая даже грубые ошибки пилота, что он без лишних раздумий пошел на атмосферный маневр. Правая нога чуть добавила давления в волноводах, левая рука уверенным, давно заученным движением вывернула штурвал, одновременно вытягивая его на себя, – и сплюснутый черный треугольник, немного накренившись, пошел по кругу над залитым солнцем городом. Высота медленно росла. Тысячи подданных владыки Осайи, высыпавшие на улицы из-за свиста, издаваемого штурмботом, с изумлением разглядывали черные кресты Конфедерации, ослепительно сверкавшие золотым обрамлением на подсвеченном солнцем днище.

Глядя вниз, Ланкастер улыбался. В какой-то момент его нога сильно прижала педаль акселератора, и бот, подчиняясь слегка вытянутому штурвалу горизонтальной ориентации, мгновенно ушел вверх. Виктор выругался: теперь ему предстоял более сложный маневр. Мягко продавив педаль реверса, он заставил машину снизить скорость и теперь уже внимательно, даже выпрямившись в кресле, повел ее на посадку по указке маяка. Рядом с ним горячо перешептывались офицеры дворцовой гвардии, совершенно изумленные увиденным: гравикомпенсатор, рассчитанный на совсем иные перегрузки, ни на мгновение не позволил им сдвинуться с места, несмотря на то, что огромный и очень тяжелый бот совершал довольно рискованные атмосферные маневры! Ни на миллиметр не сдвинулся и танк, стоящий за их спинами. Тяжелый танконесущий штурмбот, изначально строившийся для высадки панцердивизионов прямо с орбиты, в некоторых аварийных ситуациях мог не только самостоятельно достичь ближайших планет, но и разогнаться, пусть на несколько минут, – до сверхсвета! Стандарты закладывались имперскими еще конструкторами, и за столетия они не изменились: тяжелый штурмбот должен догнать уходящий носитель в случае потери связи по всем имеющимся дальним каналам. Соответствующей же мощью обладали и его гравикомпенсаторы.

Виктор Ланкастер недоуменно повел бровями. Маяк вел его на плиты недостроенного аэродрома, способного принимать максимум трехсоттонные самолеты. Масса бота составляла больше тысячи тонн – разумеется, тот же гравикомпенсатор может удерживать бот даже на песке, причем довольно долго, не менее сорока суток, но все же: а стоит ли, учитывая незакон-

ченность работ? Он машинально включил аналитический блок навигационного мозга, посмотрел на результаты расчета и решительно двинул штурвал от себя.

«Я перемудрил, этот доктор превратит меня в идиота, – сказал он себе, невольно оглянувшись на Огоновского. – Я просто заигрался. Нам тут до утра, не больше. А садиться в пустыне – не так, что ли, страшно? Страшно... смешно, а не страшно.»

Отстрел посадочных опор был неощутим. Колоссальная махина длиной чуть менее ста метров мягко опустилась на керамокомпозитные плиты будущего аэропорта и, свистнув напоследок излучателями волнового двигателя, замерла. Ланкастер коснулся сенсора на панели управления: за его спиной беззвучно откинулся слип. Чуть заворчав, ожил танк: разъехались профилированные задние двери, готовые принять в его десантный отсек легкую колесную или гусеничную машину. Виктор поджал губы: это была ошибка. Проклятые спецпрограммы, недопустимые обычным офицерам Десанта, выставили его недоучкой. Он слегка ударил ладонью по панели ввода и, пошевелив в воздухе пальцами, убрал весь массив памяти, позволявший мозгу танка принимать относительно самостоятельные решения – а потом вошел в его мозг напрямую. Танк покорно качнулся и очень аккуратно выбрался на плиты аэродрома, после чего повернулся направо и замер, оставив открытым только люк командира.

Первым, согласно протокола, из бота выбрался Почтительнейший Сын Осайя. Следом за ним – Огоновский в доспехах с пристегнутым к поясу шлемом. Под слипом лежал, уткнувшись лицом в композит, некий человек в фиолетовых одеждах, за ним стояли несколько жрецов и только дальше, на стандартном армейском колесном внедорожнике – двое врачей Конфедерации, покорно ждущие своей участи. Владыка, ощутив на себе тяжелый взгляд Огоновского, поспешил поднять на ноги фиолетового и протянул ему руку, в которую тот впился долгим страстным поцелуем. Андрей хлопнул наместника – как ему его представили, – по плечу, и почти бегом двинулся к джипу.

– Легион-генерал Андрей Огоновский, Флот, направлен сюда по... – он замялся, – для решения ряда проблем. Полностью в вашем распоряжении, коллеги.

– Э... – произнес вдруг кто-то, и он обернулся.

По слипу медленно спускался Ланкастер.

Вероятно, один вид его способен был обратить в бегство лучшие пехотные части, когда-либо существовавшие на Трайтелларе. По слипу бота не спеша двигалась чудовищная боевая машина. Хорошо понимая, что он делает, Виктор Ланкастер привел наконец в действие некоторые сегменты своего сложнейшего нестандартного снаряжения. Самым заметным его элементом являлся увенчанный витыми рога шлем. На самом деле рога являлись всего лишь излучателями системы дальней связи, с помощью которой он мог, не прибегая к услугам стационарного БИЦ, выходить прямо на КП носителя, находящегося на дальней орбите. Помимо шлема его снаряжение – стоившее около миллиона крон – позволяло ему и летать, и... из ботфорт, доходивших ему до паха, топорщились острые хромированные когти, а сзади, за наплечником, мирно покоились сложенные кожистые крылья. Правое бедро украшала петлевая кобура с удивительно красивым заказным излучателем, слева висел наградной меч, а чуть ближе к паху – громадная, лоснящаяся черная кобура пистолета. Проходя мимо владыки Осайи, Виктор мягко коснулся его плеча пальцами, и почти тут же оказался перед главным жрецом провинции. Несколько секунд жрец смотрел на него немигающими от изумления глазами, после чего Ланкастер развел в приветствии руки и – не удручая себя дальнейшим общением с клириками, коротко поклонился медикам.

– Мы очень рады, – произнес в ответ старший из врачей, изрядно потасканный седой дядька, сидевший рядом с водителем. – Мы рады, что вы здесь, господин генерал.

Ланкастер вздернул вверх забрало шлема.

– Боюсь, что я не совсем понял вас, джентльмены. Прошу простить меня за это дурацкое шоу...

– Я не об этом, – вздохнул седой. – Разрешите представиться: Мартин Белласко, заместитель главного врача миссии. Теперь, пожалуй, уже главный. Мой коллега – Шандор Свенсон, один из хирургов нашей миссии.

– Вы сказали, что?... – дернулся Огоновский.

– Ну, шефа зарезали вчера, – поджал губы Свенсон.

– Зарезали? – содрогнулся Огоновский.

– Да, собственно, зарубили, – кивнул Белласко. – Все просто: четырнадцатилетняя девочка, тяжелейшие роды, узкие бедра, ничего не помогает, только «кесарево», как тысячу лет назад. Ребенок – ну царский мальчишка, четыре двести, девочка в порядке, на пятый день счастливый папаша подстерег шефа на улице и разрубил ему голову топором. За вторжение в тело матери его сына. Вот так вот..

Огоновский задохнулся. Понимая, что сейчас произойдет – штатный излучатель плюс бластер слева, – Ланкастер с силой хлопнул его рукой по наплечнику. Андрей выпрямился, рывком сбросил железно тяжелую ладонь гренадера с плеча:

– Я догадываюсь, что охрана не сможет найти отдельного ублюдка. Но как политик, не связываясь даже со своими юристами, могу сказать следующее – в данной ситуации убийство врача гуманитарной миссии карается смертью. Это вам подтвердит любой прокурор в радиусе ста световых лет!

– Мы рады служить вам, милорд, – ядовито рассмеялся Мартин Белласко. – Мы уже слышали мнение главы планетарной миссии, и оно нас не утешило. Все же, может быть, мы займемся делом? Вон уже и транспорт прибыл...

К боту мягко подъехали три многоместных бронированных «Вайпера» на колесном ходу. Каждый из них нес на себе хорошо знакомую Андрею «снежинку» медслужбы Конфедерации. Огоновский замер. Крепкий, широкий, совсем еще не старый, он стоял, упершись в композит подошвами своих великолепных бронеботфорт – и думал о том, что эта самая «снежинка» всегда была для него святыней. Бронированные пальцы правой его руки медленно шевелились, и бесшумно работал мастерсерв генеральского снаряжения, отслеживающий каждый его нерв – его пальцы могли оперировать, а могли и убивать... Когда-то он, совсем еще молодой, неся на вызов через метель и черную болотную ночь, чтобы спасти лихорадящего ребенка. И на борту его служебного вездехода красовалась та самая «снежинка». Он был всего лишь молодым государственным врачом на огромной территории Гринвиллоу... потом была война. В петлицах его мундира сверкали золотом змеи Эскулапа – тысячелетняя, овеянная славой, эмблема военного врача. Хотя, говоря уж по совести, китель он надевал редко – после ухода с Трайтеллара майор, потом подполковник и главный хирург корпуса Андрей Огоновский обычно ходил в хирургическом комбинезоне, где знаками различия являлись всего лишь две золотые полоски на правом рукаве, увенчанные гордыми крылышками экипажного состава...

А чуть позже изменилось все, и система власти в том числе – и он, не баллотировавшись, стал вдруг «его превосходительством», комиссаром округа размерами в половину древней Европы, с правом прямого выхода в Сенат. С офисом, с ритуальной охраной, с положенным по чину бронированным вездеходом.

Сейчас на нем был десантный комбинезон, оснащенный, согласно «нормам воинской вежливости», крестом легион-генерала на правом рукаве, там же, чуть ниже – змеями Эскулапа, и, главное, золотыми флотскими «крылышками», свидетельствующими о том, что данный генерал-медик имеет прямое отношение к экипажному составу: символ особого, трепетного почтения. Флотским генералам не положено носить десантное снаряжение. Но для него сделали некоторое исключение, включив его в круг бессмертных «сорвиголов» Планетарно-Десантных Сил.

Впрочем, не их, ли, десантников, он штопал когда-то сотнями, и не от них ли получил он свой Меч Огня – за высадку под ураганным огнем противника?

Но золоченый волнистый фламберг с полутораручной рукоятью, вырезанный из брони боевого звездолета и когда-то отточенный его пациентами до бритвенной остроты, остался очень, очень далеко отсюда... Меч Огня может быть разным, но важно то, что вручает его не командование, а – собрание нижних чинов, и вырезается он всегда из брони звездолета-носителя... Он может быть арабской саблей, традиционным европейским прямым клинком, или, иногда – катаной. Огоновскому вручили двухметровый фламберг...

И, наверное, к счастью.

– По машинам! – скомандовал Огоновский. – «Вайперы» нам не нужны, можете запихнуть в них жрецов. Мы все поедem в танке.

Жрецы располагали собственным транспортом – по мановению руки старшего к боту подъехал вполне приличный недавно покрашенный кабриолет с опущенным верхом. Поклонившись на прощание владыке Осае, духовенство забралось машину, и процессия медленно тронулась. Гвардейцев расположили в десантном отделении танка; бот, согласно команде Ланкастера, захлопнул люки и встал на режим пассивной охраны.

– Я очень сожалею, – выдавил Осаю, слышавший разговор Огоновского с врачами. – Если этот мерзавец не успел сбежать, я желал бы выдать вам его к сегодняшнему вечеру.

– Вряд ли он станет дожидаться подобных милостей, – покачал головой Ланкастер. – Но все же – такая храбрость вообще характерна для местного населения, или мы имеем дело с обыкновенным сумасшедшим?

– Может быть... – проговорил Осаю в задумчивости. – А может быть, у меня тут найдутся и кое-какие дела поинтереснее охотничьей экспедиции.

* * *

Медицинская миссия Конфедерации располагалась в центральной городской клинике, изрядно перестроенной и обнесенной по периметру силовыми эмиттерами. Помимо этого, имелись четыре станковых излучателя в окнах третьего этажа, у которых круглосуточно дежурили охранники. Эти парни не являлись кадровыми военными, они несли службу по контракту с государственным департаментом развития, и ловить какого-то мирного жителя, пусть даже и убийцу шефа миссии, попросту не имели права. Если бы убийство произошло на территории клиники или, скажем, на выезде, когда они осуществляли охрану врачебного персонала, то «счастливый папаша», скорее всего, лег бы на месте. В подобных охранных подразделениях служили вчерашние десантники, прошедшие войну, и вряд ли на всем Трайтелларе сыскался бы достойный их противник.

Но главного врача убили в городе, когда он шел по каким-то своим делам, не озаботившись взять с собой хотя бы одного телохранителя. Его хорошо знали местные, поэтому немолодому уже доктору, оттрубившему всю войну в полевых госпиталях, и в голову не могло придти, что смерть настигнет его в виде уделанного наркотой парня с топором в руках. Да и то: раньше главный являлся кадровым офицером Десанта, на бедре у него висела кобура с бластером, и выйди убийца ему навстречу, исход поединка не вызывал бы сомнений.

Удар нанесли сзади. Нападавшего видели несколько человек, своей волей пришедшие в клинику, чтобы рассказать о происшедшем – но что это решало?

Его превосходительство глава планетарной миссии имел полное право потребовать от наместника назначения дознания. Он прекрасно понимал, к каким результатам оно приведет...

Многое понимал и владыка Осаю. Разумеется, происшедшее и впрямь вполне могло быть случайностью. Наместник провинции уже шепнул ему, что по словам очевидцев, убийца был по уши накачан редким в нынешние времена наркотиком – тем самым, который когда-то массово производили в монастырях. Найти его сейчас чертовски сложно. Старые запасы? Хорошо если так... А если нет?

По дороге в клинику Ланкастер остановил танк возле резиденции наместника, где высадил владыку с гвардейцами. Встретиться они договорились в обед, то есть ближе к вечеру. Поглядев на насупленного и сосредоточенного Осайю, Огоновский подумал, что наместнику, очевидно, предстоит очень нелегкий разговор. После всего случившегося миссия могла спокойно сворачиваться и уходить. Что это означало для Осайи, предугадать было нетрудно. Сейчас все зависело от решения Мартина Белласко. Каким оно будет, Огоновский не знал.

А повлиять на него он, по сути, и не мог.

Машина врачей проехала сквозь распахнутые ворота больничного комплекса, туда же направил заостренный нос танка и Ланкастер.

– Приехали, дорогие пассажиры – сообщил он, аккуратно припарковав гусеничную громадину на площадке слева от входа. – Номера багажных квитанций с первой по пятидесятую выходят с левого борта...

Огоновский кисло хмыкнул. Он скользнул в зев атмосферного створа, упруго приземлился на растрескавшийся асфальт и втянул носом воздух. К некоторому его удивлению, пахло вокруг вполне нормально: Андрей ожидал, что после нейтральной прохлады в танке его снова ждет близкое знакомство с ароматами близкого гниения, но в этом городе, очевидно, все же не разучились убирать за собой дерьмо. Да и в целом увиденное на улицах произвело на него более благоприятное впечатление, чем ужасы столицы. Руин, конечно, хватало, но выглядели они почти пристойно. И, главное, обыватели не шарахались при виде автомобилей, лишь несколько особо впечатлительных, узрев мягко плывущую по улице тушу танка, все же шмыгнули в ближайшую подворотню.

– Знаете, а у вас тут почище, чем в Эйгоре, – сообщил Огоновский подошедшему Белласко. – Я ожидал, что будет как раз наоборот.

– В столицу стекаются голодные и нищие со всей страны, – вздохнул в ответ тот. – Я был там... действительно, зрелище жутковатое. Мы тут – благополучны. Настолько, насколько это вообще возможно. Хотя в свое время город пострадал очень сильно. А сейчас некоторые даже возвращаются сюда...

– Из соседних стран?

– Оттуда будет возвращаться разве что сумасшедший, – усмехнулся Белласко. – Вы там не были? В Платто-Хуско, например?

– Пока нет, – мотнул головой Огоновский. – Если будет время?

– Я бы рекомендовал посмотреть. Там совершенно нормальная жизнь. Вот даже с нашей, скажем, точки зрения... да, не Кассандана, конечно, и не Аврора. Но там – чистые красивые города, в которых никто никого не режет. Причем знаете, мы тут настолько дичаем, что когда прилетаем в выходные в Платто-Умара, – это их столица, – то первым делом идем обычно не в театр или в музей, а представляете, в ближайший торговый центр, желательно из старых, с историей. Знаете, зачем? Просто посмотреть на нормальных... ну то есть нормально одетых людей.

– А они... на вас?

– Да они абсолютно безобидны! У них там даже преступности почти нет. Многие подходят, знакомятся. В гости зовут.

– А вы?

Белласко пожал плечами.

– В моем контракте об этом ни слова. Я дружу с одним банкиром и с известной певицей. Вы хотите сказать, что?..

– Ни в коем разе. Может, мы все же пройдем в клинику, коллега? Нас ждет довольно серьезный разговор.

– Ах, да! Идемте в мой кабинет, прошу вас, джентльмены...

Взгляд Белласко потух и он, чуть сгорбившись, повел гостей по длинному коридору первого этажа к боковой лестнице. Очевидно, решил Огоновский, он теперь мучается, что сболтнул лишнего. Хотя кому какое дело, спит доктор Белласко с местной певицей или мастурбирует утром в сортире? Если бы подобные деяния почему-либо запрещались, об этом действительно следовало упоминать в контракте. Да и вообще...

Кабинет заместителя главврача отремонтировали согласно стандартам, принятым в Конфедерации. Так как больными он занимался в другом месте, здесь не было ни медицинского оборудования, ни гладкого сверкающего пластика на стенах, как раз наоборот: мягко поблескивающие деревянные панели, податливый ворс под ногами. Письменный стол-трансформер, автоматика климат-контроля, и – вделанный в стену оружейный сейф армейского образца с системой самоуничтожения.

– Я полагаю, коллега, вы уже в курсе, зачем мы сюда прибыли, – начал Огоновский, опустившись в глубокое кресло.

– Разумеется, – чуть поклонился Белласко. – Должен сказать сразу, что число лиц, допущенных к существованию проблемы, весьма ограничено. Я готов представить список...

– Пока не нужно. Находясь здесь, мы будем иметь дело только с вами. Для всех остальных, как вы понимаете, мы являемся всего лишь временными полевыми дипломатами Конфедерации, отправленными для проведения зондирования ситуации с владыкой Осайей.

– Насколько мне известно, вы, господин генерал, являетесь его личным другом?

– Именно поэтому я здесь, мастер Белласко. Фактически же, наша задача – лишь сопровождение офицера Чандара. Генерал Ланкастер осуществляет военное руководство экспедицией, а дипломатическое обеспечение на совести господина советника Нормана.

– Я понимаю вас, господа. Вы предполагаете обустроить временную базу у нас, в клинике?

– Не исключено, что она нам может понадобиться, – заговорил молчаливый Чандар. – Я хотел бы попросить вас, доктор...

– Разумеется, – поднял руки Белласко. – Все, что прикажете.

Чандар кивнул. Понимая, что официальная часть беседы закончилась, он поднялся из кресла.

– С вашего позволения, джентльмены... мне следует кое-что приготовить к поездке.

Вместе с ним откланялся и Норман. После ухода этой пары Белласко немного порозовел, очевидно, они здорово действовали ему на нервы.

– Быть может, кофе? – предложил он. – У меня, кстати, есть кое-какие напитки местного производства...

– Кофе с удовольствием, – улыбнулся Огоновский. – А напитки я бы отложил на потом. Боюсь, нам сегодня предстоит нелегкий разговор с владыкой. Да, коллега, у меня есть к вам один довольно серьезный вопрос.

– Я весь внимание, дорогой генерал.

– Вероятно, решение о дальнейшей судьбе медицинской группы теперь придется принимать именно вам?

Белласко закончил программировать кухонный автомат и вернулся в свое кресло:

– Да, формально мне.

– Формально? Я не совсем понял вас.

– Неизвестно, что скажет глава планетарной миссии...

– А, вот как? Но ваш уход отнюдь не в его интересах.

– Он несет свою часть ответственности. Видите ли, если преступник будет пойман, причем в достаточно короткие сроки, то дальнейшее будет зависеть от моего, назовем его так, гражданского мужества. В наших контрактах прописана отдельная «плата за страх», и это,

кстати, немаленькая сумма. Я уже переговорил с некоторыми коллегами – они против вывода. Сам же я... в общем, свою долю ответственности я ни на кого перекладывать не буду.

«Это надо понимать так, – сказал себе Огоновский, – что ты, во-первых, очень не хочешь играть труса, а во-вторых, певичка-таки запала тебе в душу. Ладно, уже легче!»

– Я не стану скрывать от вас, – произнес Андрей, – что очень хочу помочь владыке всем, что только будет в моих силах. В каком-то смысле я являюсь для него наставником. Ваш уход окажется не просто крахом многих его надежд, вы еще и сыграете на руку местному духовенству. Что, как вы понимаете, окажется проигрышем Конфедерации – в самом широком смысле. Мы не можем отступить. И уж тем более здесь...

Доктор Белласко едва слышно хмыкнул.

– Я прикажу усилить охрану, – ответил он. – В каком-то смысле шеф сам виноват. Его тут хорошо знали и едва не боготворили, а он, в свою очередь, слишком уж доверял нашим э-э, пациентам. Да и к тому же, знаете, этих голодных оборванцев действительно трудно поставить в роли опасного противника. Тем более для него.

– Видимо, да, – покачал головой Огоновский.

Белласко выставил на стол поднос с кофе и снова уселся в кресло. В его глазах то и дело поблескивал некий невысказанный вопрос, но тем не менее он молчал: Огоновский понял, что в иное время доктор уже имел дело с СБ и теперь, после знакомства с Чандаром, предпочитает держать свои вопросы в самом глубоком кармане.

– А как, кстати, к вашему появлению отнеслось местное духовенство? – спросил вдруг Ланкастер. – С этой публикой у вас трений не было? Насколько я понимаю, владыка пока не решается пригласить медиков в столицу именно из-за боязни проблем с собственными клириками.

– Фирусса в этом отношении наиболее спокойна, – вяло улыбнулся Белласко. – Основная часть монастырей, из которых когда-то пошла вся зараза, находится в другом районе страны. Да, здесь тоже были какие-то коммуны, но малочисленные, что ли – в общем, у нас сам уклад немного другой. Духовенство у нас не такое уж нервное: лечиться к нам они, конечно, не ходят, но и другим не мешают. Так что выбор Осайи оказался верным. Хотя...

– Что – хотя? – поднял брови Огоновский.

– Да вы понимаете, господа, в последнее время стали появляться какие-то странные слухи. Будто бы кто-то где-то нашел некие свитки Отцов, датируемые не далее чем прошлым тысячелетием, чего, как вы понимаете быть не может в принципе. Айорс вымерли намного раньше, так ведь? Но кто-то эти свитки даже видел собственными глазами... что интересно, духовенство, кажется, к этим слухам отношения не имеет.

– Трудно, что ли, смастерить подделку? В цивилизованных странах уровень технологий вполне достаточен, да и много ли надо, чтобы обмануть людей, двадцать лет не видевших электрического света? – Усмехнулся Андрей.

– Нет-нет, погодите! – вдруг перебил его Ланкастер. – А не идет ли при этом речь о создании неких тайных братств или обществ, избегающих лишнего внимания со стороны официального клира?

– Вы имеете в виду секты, что ли? – не понял Белласко. – Говорят, что видели их пастухи, обитающие в горах к северу отсюда. Места там дикие и малонаселенные, западнее проходит граница с королевством Оламо. По сути, это огромная область, не контролируемая совершенно никем. Пограничная стража Оламо в горы не лезет – делать им больше нечего! – и что там происходит никто толком не знает. Говорят, во время их проклятого Солнцеворота какие-то люди пытались бежать через перевалы в Оламо, но больше их никто не видел. С этой стороны в королевство не попал ни один беженец.

– Откуда это вам известно?

– Да я бывал там. Королевство маленькое, половина территории – горы, в горах есть табуированные места... якобы что-то там когда-то происходило, какие-то гейзеры, вероятно, с ядовитыми выбросами – да мало ли что. Там табу. Туда никто не поднимается. Я разговаривал с беженцами из Раммаха, осевшими в Оламо, но они клянутся, что со стороны гор в королевство не пришел никто. Они вообще отрицают саму возможность такой попытки. На этой планете много загадок, господа, но я, честно говоря, стараюсь не забивать себе ими голову. Вот, например...

Врач не договорил: дверь кабинета бесшумно приоткрылась, и на пороге появился Чандар.

– Доктор, – произнес он, в упор глядя на Белласко, – ночью с орбиты придет транспортный бот, и в левое крыло загрузят кое-какое оборудование. У вас там пустой зал на первом этаже, помните?

– Мы думали перенести туда родильное отделение, – заморгал глазами тот.

– Чуть позже. Пока там постоит мои контейнеры. От вас ничего не требуется, только снять на время охрану и все. Потом опечатать двери и окна своими печатями поверх тех печатей, что наложит сопровождающий. Таков порядок.

– Я... я вас понял, – пролепетал Белласко.

– Я в этом не сомневаюсь, – Чандар вежливо кивнул и исчез в коридоре.

– По-моему, дело уже к обеду, – громко сообщил Ланкастер и поднялся из кресла. – Идемте, Андрей, невежливо заставлять владыку ждать нас.

Глава 4

– Вы его прям припечатали со своей патетикой, – усмехнулся Виктор, когда они с Огоновским вышли на воздух.

– Припечатал? – задумчиво отозвался Огоновский. – А, вы об этом... знаете, я ведь все-таки какой-никакой, а представитель власти, значит, несу определенную ответственность. Так что хочешь не хочешь... Что это вы, кстати, так встрепнулись, когда услышали про какие-то свитки?

Ланкастер махнул рукой.

– Профессиональное, не обращайтесь внимания. В свое время мы просрали эсис именно потому, что не следили за слухами. Теперь мне всюду мерещится одно и то же. Конечно, здесь эсис ждать не стоит, но у меня достаточно богатый негативный опыт по этой части.

Андрей мрачно кивнул. Он хорошо знал, о чем идет речь. Подавление мятежей на некоторых отдаленных мирах поставило перед Конфедерацией ряд вопросов, ответа на которые не было – и уж тем более некогда было искать его во время бесконечно жестокой войны.

Не произнося ни слова, Огоновский забрался в ходовую рубку танка и уселся в кресло связиста. Ланкастер тем временем занял место водителя и врубил навигационный поиск. Определившись, как ехать в резиденцию наместника, он плавно вырулил с территории клиники и повел огромную машину по некогда ухоженному проспекту. В прежние благополучные времена вдоль проезжей части росли многочисленные деревья, теперь же о них свидетельствовали лишь пни. Андрей смотрел на обзорные экраны и ловил себя на дурацком ощущении, будто видит некий репортаж, медленно, с ленцой разворачивающийся перед его глазами. Ему никак не удавалось ощутить себя непосредственным участником событий, настолько нелепым казался окружающий его мир. Перед перекрестком, на котором Ланкастер ушел влево, посреди густо разросшегося бурьяна коричневым ржавым пятном высился корпус давно сторевшей боевой машины. Очевидно, транспортер так и стоял здесь все двадцать лет, никому особо не мешая. Валяется железяка, и пусть... кругом едва разобранные руины, до металлолома ли?

Ланкастер затормозил на круглой площади возле ступенчатой десятиэтажной пирамиды из розового кирпича и выключил двигатель. Экраны погасли; в последнюю секунду Огоновский успел разглядеть суету среди охранников на входе, и улыбнулся. Осайе сейчас доложат, и он ринется встречать гостей. А может, пришлет главного церемониймейстера – а впрочем, какая разница?

– У вас очень задумчивый вид, – с улыбкой сообщил ему Ланкастер, выбравшись из танка. – А между тем, нам нужно решить одну задачку.

– Да? – вопросительно приподнял бровь Огоновский.

– Вам не кажется, что было бы логично сообщить владыке о цели нашей поездки именно сейчас? До его разговора с Чандаром?

– Вы полагаете, что такой разговор состоится?

– Я предполагаю, дорогой доктор. Предполагаю...

Андрей ответил не сразу. Во время перелета они не обсуждали меж собой *тематику* миссии, не без оснований считая, что носитель, принадлежащий СБ, плотно нафарширован следающей техникой – а вопрос уровня доверия по отношению к ним до конца не решен. Конечно, оставалась вероятность того, что «прослушки» полным-полно и в танке, но все же поговорить следовало, и пожалуй, немедленно.

– Нет, снаружи танк «чистый», – прочитав его мысли, мотнул головой Ланкастер. – И, – он поднял вверх указательный палец, – тоже нет.

Огоновский кивнул. Значит, его снаряжение позволяет выявлять даже такие штуки, как постоянное сопровождение лучом с малозаметного наноскаута, ретранслирующего сигнал на ближайший БИЦ. Недурно для гренадера.

– Завтра действительно может быть поздно, – негромко согласился он.

– Да, потому что с завтрашнего дня мы постоянно будем находиться на глазах у Чандара, – Ланкастер легонько подтолкнул его к широкой лестнице парадного подъезда, и продолжил, глядя куда-то в сторону: – а что взбредет в голову этому нашему исследователю, не знает никто. К тому же, как вы понимаете, среди строителей неизбежно должен находиться «внештатник» из разведки. И прямо завтра же, едва мы прибудем на место, Чандар побежит к нему советоваться.

Недавно отлакированная деревянная дверь парадного подъезда неожиданно распахнулась, и на верхнюю площадку лестницы, едва не сбив с ног охранника, выскочил осанистый мужчина в лимонно-желтом халате и приплюснутой круглой шапке такого же безумного колера. Сбежав по ступенькам вниз, он упал на четвереньки, пробормотал что-то и нерешительно выпрямился.

– Ага, – сообразил Ланкастер, включая свой транслинг. – Обед, значит, давно готов. Ну так ведите нас, уважаемый, ведите. Нечего спину гнуть, у нас так не принято.

Экземпляр в желтом оказался отнюдь не церемониймейстером, а самым начальником канцелярии наместника. Поминутно кланяясь, – точнее, комично втягивая голову в плечи, он провел гостей в небольшой зал на втором этаже и, раскрыв для них двери, поспешил испариться. Сумрачный Осайя поднялся из-за длинного низкого стола, на котором ждали своего часа разнообразные судки и мисочки. Сидевший напротив него наместник вскочил на ноги, обежал стол и грохнулся на колени прямо под ноги Огоновскому. Немного обалдев от такой изысканной любезности, Андрей попятился и испытал сильнейшее желание схватить его превосходительство за шиворот, дабы вернуть к прямоходящей стадии существования. Ланкастер тем временем задумчиво осмотрел сияющие носки своих ботфорт и произнес:

– Этим делу не помочь.

– Но он не смеет, – кисло отозвался Осайя, протягивая Андрею руку.

– Так пускай посмеет, – недоумение Огоновского сменилось раздражением. – К нему у нас тоже разговор имеется. Давайте, вставайте, уважаемый. Для нас ваше поведение выглядит нелепым, и не более того. Как его зовут, кстати?

– Меня зовут Мокоро, господин, – едва слышно прошипел тот, поднимаясь на ноги.

– Так прекратите трястись и зовите гостей к столу. У нас есть для вас новости.

Несчастный наместник посерел лицом и попятился, невнятно бормоча что-то себе под нос.

– Давайте садиться, – махнул рукой Осайя. – Мокоро действительно напуган случившимся. Он готов подозревать всех на свете, но пока не имеет ничего конкретного. Впрочем, есть основания надеяться, что убийцу приволокут сами обыватели.

– Вот как? – хмыкнул Огоновский, опускаясь на низкий мягкий пуф с кистями. – Выходит, наши врачи пользовались в Фируссе такой популярностью? А я почему-то думал, что им приходится конфликтовать с твоими жрецами.

– Жрецы не могут запретить людям лечить своих детей, – жестко ответил владыка. – По крайней мере, здесь.

– Ну да, – немного рассеянно согласился Андрей, уже слышавший все это от Белласко. – А на сей раз, кажется, повара отнеслись к своим обязанностям более ответственно. Тухлятины я не вижу.

– Здесь легче найти нормальные продукты, – буркнул Осайя. – Прошу извинить меня...

– Чепуха, не бери в голову, – Огоновский подцепил кусочек мяса в грибном соусе и отправил его в рот. – Что касается убийства. Вам, Мокоро, я думаю, тоже не хочется, чтобы врачебная миссия собрала вещички и убыла восвояси? Проклятье, да что с вами, наместник?

У Мокоро мелко задрожали губы. Отвернувшись в сторону, он с шумом втянул воздух и застонал.

– У него очень болен старший сын. Без лечения он умрет, – негромко проговорил Осайя.

– Вот черт, – вздохнул Огоновский. – Что ж, тогда постарайтесь сделать так, чтобы убийца был найден, потому что в этом случае замглавного готов взять на себя всю ответственность и оставить миссию. Он мужественный парень, да и сами врачи не хотят уходить отсюда. В такие места, как это, летят не только за деньгами... но Белласко – кстати, Мокоро, а вы с ним знакомы? – должен иметь нечто, что можно показать комиссару.

– Я знаком почти со всеми, – кивнул немного успокоившийся наместник. – Доктор Белласко... очень великодушный человек. Если он пообещал остаться, значит, так и будет.

– Так ступайте и ищите. И начинайте прямо сейчас.

Мокоро бросил испуганный взгляд на своего владыку, но тот, уже поняв, в чем дело, ответил ему коротким резким жестом. Наместник вскочил на ноги, поклонился и опрометью метнулся прочь из зала.

– Он вовсе не болван, – с горечью произнес Осайя. – Но обстоятельства! Вы должны понимать...

– Да все мы понимаем. У нас, видишь ли, тоже имеются некоторые обстоятельства, о которых мы не сказали тебе сразу.

– М-мм? – Почтительнейший Сын заметно напрягся, пальцы правой руки чуть пристукнули по столешнице.

– Ты помнишь, при каких обстоятельствах нам стало известно о том самом Пророчестве?.. ты помнишь подземелье с проектором? Я тогда еще понял, что мы находимся рядом с периодически включающимся межпространственным порталом. Кажется, мы говорили с тобой об этом на борту «Парацельса». Ты не забыл?

– Их много, – качнул головой Осайя, становясь вдруг задумчивым. – Да, видимо, их много. Но они мертвы, не так ли? Их давным-давно не используют. А?

– Один из них самопроизвольно включился в твоих владениях, – стараясь глядеть ему в глаза, сообщил Огоновский. – И поэтому мы здесь. Портал несет опасность – там, на той стороне, живут разумные. И они с кем-то воюют. Мы должны попытаться понять, оценить уровень этой опасности. Разузнать, что мы можем сделать... ты слушаешь меня? – спросил Андрей, видя, что владыка упорно смотрит в угол зала.

– Самопроизвольно, – повторил Осайя. – Может быть.

– У тебя есть какие-то подозрения? – подался вперед Огоновский.

– Один из моих помощников, принимавший участие в первом этапе работ по аэродромам, рассказывал мне, что пастухи, живущие в предгорьях, будто бы видели каких-то людей, не похожих на наших. Людей в странной одежде.

– Людей? – переспросил Огоновский и коротко глянул на Ланкастера. – Именно людей?

– Да, людей в какой-то военной форме, что ли. У нас давно уже не носят никакой формы. Я подумал, что это мог быть отряд из Платто-Хуско – какая мне разница, все равно у нас нет и намека на пограничную стражу. Но все-таки это сообщение почему-то запало мне в голову, не забылось... до Платто-Хуско слишком далеко. Конечно, их могли забросить авиацией, но что бы они там, в горах, искали?

Огоновский помолчал, ожидая, что скажет Ланкастер, но тот выглядел по-прежнему безразличным. Очевидно, подозрительному гренадеру не хотелось вмешиваться в беседу раньше срока.

– В общем, – Андрей вздохнул, – наше присутствие здесь – всего лишь прикрытие для флаг-майора Чандара, являющегося на самом деле исследователем из Службы Безопасности Конфедерации. Ты должен знать – мы здесь в основном ради твоей же безопасности. Но есть и еще одно обстоятельство, которое нам необходимо обсудить прямо сейчас, пока нас никто не слышит...

* * *

Обычный в этих краях сильный утренний ветер, сегодня, кажется, окончательно впал в буйство бессмысленной ярости, то волнами хлестая по ярко-зеленому травяному ковру с обеих сторон взлетно-посадочной полосы, то вдруг ударяя тугим холодным кулаком по лицам стоящих на аэродроме. Начальник дежурной смены Рузри, вышедший вместе с остальными свободными офицерами встречать давно ожидаемого гостя, пожалел о том, что не захватил с собой летный шлем: его прозрачное пластиковое забрало сейчас было бы очень даже кстати.

Приближавшийся с запада гул старомодных турбин перешел в рев, и вот над далеким темным массивом леса появился силуэт двухмоторного бомбардировщика. Выпустив шасси, самолет плавно коснулся полосы и заскользил по серой бетонной ленте. До чутких ушей Рузри донесся короткий писк тормозов. Длиннокрылая серая машина свернула с полосы на поле аэродрома и наконец встала напротив главной вышки. Огромные четырехлопастные пропеллеры совершили еще несколько оборотов, после чего наконец замерли. Из брюха бомбардировщика выпала легкая пластиковая лесенка.

Ежась от лезущего под теплую куртку ветра, Рузри решительно зашагал вперед.

По трапу скользнула стройная фигура в черном комбинезоне. Рузри уже знал, кто это. Вот она вышла из-под крыла самолета и неторопливо двинулась навстречу офицеру. У Рузри на миг перехватило дыхание. Она была не просто обольстительна, нет, она могла свести с ума одним своим взглядом. Рузри уже доводилось встречаться с леди Суинни, и всякий раз он прикладывал немалые усилия, чтобы не пасть ниц к ее ногам. Приблизившись, Рузри прижал к затылку уши в жесте немого подчинения и произнес, слегка глотая от возбуждения гласные:

– Пр-рветствую вас, моя леди...

Суинни ответила ему короткой молчаливой улыбкой. Попятившись, Рузри пропустил ее вперед себя и засеменял рядом, трепеща в едва уловимом облаке цветочного аромата ее духов.

– Надеюсь, вертолет уже готов? – заговорила леди, когда они подошли к группе офицеров, заставшей у входа в башню.

– Я не смею отговаривать вас, моя леди, – простонал Рузри, зная, что он обязан сказать все это – несмотря на то, что ответ известен заранее, – но все же позволю себе напомнить вам, что прошло так много времени... и что все предпринятые нами поиски не дали решительно никакого результата.

Леди Суинни повернулась к нему. Ее рот растянулся в понимающей улыбке.

– Но вы знаете и то, что я не стала бы беспокоить вас без достаточно веского повода. Тело моего мужа не было предано Родовому Огню. Более того, оно не было предано никакому огню, и я знаю это. Я чувствую, и вы хорошо понимаете меня. Меж тем, мои обязанности предполагают исполнение последнего Долга в любом случае, даже если в итоге класть на костер меня – будет уже некому...

Рузри кивнул. Уши снова прижались к затылку, на сей раз уже помимо его воли. Если бы его бывший командир и наставник Владелец Шерро сгорел вместе со своим бомбардировщиком, молодая леди не примчалась сюда, настаивая на продолжении поисков. В ее роду некоторые умения передаются по наследству, и спорить с этим бессмысленно. У нее остался Долг, и она его исполнит вот что бы то ни стало.

Злой ветер играл короткой серебристой шерстью на ее лице...

– Выкатывайте! – рявкнул Рузри своим подчиненным и отвернулся.

В открытом уже ангаре взвыл тягач. Вслед за его тупой мордой на поле выплыл небольшой четырехместный вертолет с подвешенными к оружейным пилонам дополнительными топливными баками.

– Надеюсь, что скоро смогу поблагодарить вас за оказанную помощь, – отрывисто произнесла леди Суинни и почти бегом бросилась к винтокрылой машине.

Хлопнула дверца пилотской кабины. Водитель тягача поспешно отцепил трубу жесткой сцепки и отвел тягач в сторону. Рузри услышал щелчок предпускового нагнетателя, потом свист – и несущий пропеллер начал разгон. Дернувшись, завертелся хвостовой винт. Спустя пару секунд вертолет неторопливо взмыл в воздух и на малой высоте пошел к юго-востоку. Внутри Рузри что-то оборвалось.

– Что вы тут встали? – прикрикнул он на мнущихся с ноги на ногу офицеров. – Заняться нечем?..

И снова она была в небе одна.

Помощники ей не требовались: Суинни знала, что либо найдет тело своего мужа и *вручит* его примиряющему с прошлым пламени, либо – подносить зажигалку к костру, сложенному для нее, не придется, потому что она уйдет вслед за ним своей волей, а в таких случаях мертвецов не сжигают... их предадут проклятью. Но проклятье не пугало ее. Слишком многое связывало ее с Шерро, назвавшим ей свое *первое имя*, доверившим ей те закоулки души, о которых не принято говорить даже в минуты откровенности, что приходят порой после кружки туманящего дайри. Она была слишком молода для него, уже вступившего в возраст высшей ответственности: выждав траур по первой жене, он должен был подобрать себе вдову примерно своих лет, но Шэрро поступил иначе, и не красота юной Суинни стала тому причиной.

Род Суинни терялся в сумрачной паутине веков. Двое ее предков были первыми, кому удалось вступить в диалог с юнграми, обрушившимися на их мир два столетия тому подобно удару секиры. Благодаря им юнгры были поняты, что послужило поводом для прекращения кровопролития, а позже, когда их уход стал неизбежностью, именно дед Суинни смог убедить последних из числа обреченных отдать долг, поделившись уже ненужной им силой. Многие из ее предков умели видеть Сущность Вещей – кто бросая камни, способные складываться в узор вероятностей, кто погружаясь в короткий черный сон, уносящий душу за пределы видимого мира.

Некоторые из этих умений проявили себя в крови Суинни. Взрослея, она постепенно замечала, что способна видеть и, главное, – ощущать намного больше своих сверстников. Союз с Шэрро усилил ее дар, словно бы сняв с глаз затемняющую пленку, что мешала насладиться истинными красками мира. Но до того еще, будучи всего лишь ребенком, Суинни уже видела в небе всплески той непостижимой силы, которая породила Дымный Перевал.

Он появился, когда Суинни только-только вступила в Пору Открытых Глаз. Владения ее матери, где она провела детство, находились недалеко от того проклятого места, которое однажды, вспухнув над закатным солнцем седым мостом из густого, шевелящегося тумана, выплонуло на цветущую равнину орды жестоких безволосых пришельцев. Суинни навсегда запомнила столбы дыма по горизонту – то горели усадьбы соседей, – и ужас бегства, непонимания, отчаяние судорожной попытки обмануть невесть откуда пришедшую смерть.

Они называли себя *лусси*, и любые попытки понять их вели в никуда. Набеги повторялись, их отбивали, не позволяя безволосым дикарям отходить от Перевала слишком далеко. Никто, ни один ученый не мог объяснить, откуда они приходят и что ищут. Дымный Перевал появлялся – и некоторое время спустя из него выходили новые и новые тысячи лусси. Плодородная некогда равнина превратилась в навсегда выгоревшую проплешину на теле мира, заваленную обломками их бронемашин.

А потом случилось страшное – Перевал принялся «мигрировать», возникая то в одной, то в другой точке. Вскоре выяснилось, что «миграции» никогда не выходят за границы некоей условной окружности радиусом в тысячу утт. Целая страна превратилась в один сплошной военный лагерь. Ученые обратились к знаниям, полученным некогда от юнгров, чтобы создать новые типы вооружений, позволяющие уничтожать прорывающиеся отряды лусси как можно быстрее. А некоторое время спустя Шэрро, управляя новейшим бомбардировщиком с огромной дальностью полета, первым прошел через Перевал, оказавшись на «стороне» безволосых. Принесенная им информация шокировала. Там, «у них», был *тот же* мир, те же реки и океаны, но – совсем другие города, почти полное отсутствие лесов, изуродованный ландшафт и отравленный ядами воздух.

Но главным стало понимание того, что лусси не могут принадлежать ни одному из этих «зеркальных» миров, понимание, к которому пришли специалисты-биоинженеры. Значит они, как и юнгры, являются порождением Пространства? Но уровень их машинерии никак не соответствовал уровню тех же юнгров, способных строить звездолеты, покоряющие бездну в десятки световых лет. Постепенно о лусси стало известно больше, однако жутковатая загадка их происхождения оставалась неразгаданной.

И вот Шэрро не вернулся из боевого вылета...

Суинни с абсолютной ясностью ощущала, что тело мужа находится где угодно, но только не за Перевалом. Нить, связывающая их, не прервалась окончательно. Но где-то там, на самом горизонте ощущений Суинни, тяжело ворочалось нечто, что она не могла контролировать. Какой-то сгусток неведомого, мешающий ей протянуть импульс своего взгляда к месту, где перестало биться сердце владельца Шэрро.

Она шла на юго-восток, ощущая, как в спину дует невидимый и непостижимый ветер, указывающий ей путь. Топлива должно было хватить на очень долгую дорогу.

За два часа до заката Суинни пересекла границу Зоны Перевала. Высоко в небе промелькнул силуэт патрульного разведчика, но тревожить ее не стали: командование уже уведомили о полете вдовы владельца Шэрро. Вертолет Суинни мчался на небольшой высоте – вокруг, насколько хватало глаз, густым серо-зеленым ковром лежали бесконечные дикие леса. Сожженная в битвах с лусси равнина осталась справа и позади нее, и в какой-то момент у Суинни защемило сердце, ведь именно там когда-то она жила с матерью, там, выйдя вечером в поле, она всей грудью вдыхала густой, насыщенный тысячами ароматов, закатный ветер. Но перед глазами вдруг возник Шэрро, в ноздрях коротко щекотнуло манящим запахом его сильных рук, и Суинни отослала память детства прочь.

Она смотрела в прозрачное небо...

Что-то черное возникло вдруг над безмятежным горизонтом. Что-то, похожее на клубок черных ниток, висело в небе, едва не соприкасаясь с бурой линией леса. Выстрел зенитки? Но «клубок» не думал растворяться в воздухе, да и нет в этом районе зениток... Что-то слабо укололо Суинни в затылок. Она увеличила скорость. По мере приближения черный шар утратил четкость очертаний, превратившись в облако, недвижно висящее над верхушками деревьев. Это не могло быть Перевалом. Но теперь Суинни знала – Шэрро там... и в ее сердце не было ни страха, ни сомнений. Лопасты вспороли черноту, и через мгновение наступила тьма.

Суинни не сразу осознала, что темнота вокруг – вовсе не мрак на дороге в Ничто, а всего лишь... ночь! Сквозь верхнее стекло кабины виднелись далекие звезды. Суинни глянула вниз – похоже, под ней был все тот же лес, разве что несколько более редкий, чем дома. Все приборы работали нормально, странный переход никак не сказался на ее машине. Потянув ручку управления, она набрала высоту в два утта и осмотрелась. На западе высились далекие горы. Там, в ее мире, в этом месте тоже находился огромный горный массив, но, похоже, здесь он оказался намного выше... и нигде, решительно нигде она не видела ни единого огонька: значит, это не мир лусси.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.